ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 1 (2384) Суббота, 3 января 1948 г. Цена 40 коп.

К НОВОМУ РАСЦВЕТУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ!

Вступил в свои права новый год великой сталинской эпохи, новый год социалистического труда. Мы идем под руководством партии Ленина — Сталина в дальнейшее наступление за под'ем народного хозяйства, под'ем металлургии и угольной промышленности, уже достигших, как известно, довоенного уровня. Мы боремся за дальнейший расцвет советского машиностроения, за овладение высотами технического прогресса. Мы будем строить новые заводы и жилые дома, театры и стадионы, дворцы культуры и библиотеки. Мы будем вгрызаться в толщу земных недр, приумножая богатства страны. Мы поведем борьбу за урожай третьего года послевоенной пятилетки. Мы хотим, чтобы из года в год страна наша получала больше и больше хлеба, чтобы неуклонно росло благосостояние народа. Уплотняя время, ускоряя его поступь, советские люди стремятся в новом году пятилетки дать больше нефти, металла, угля, бумаги, обуви, консервов, сахара, шелка. Выше взбирается в нынешнем году линия развития каждой отрасли народного хозяйства!

К большому труду приступили советские люди вчера, в первый рабочий день нового года, зная, что из дневных заданий слагаются планы недель, месяцев, кварталов, лет, и стремясь к тому, чтобы каждый день был днем полноценного труда. Партия Ленина—Сталина — ум, честь и совесть нашей эпохи — ведет советский народ вперед на борьбу за пятилетку в четыре года, к дальнейшему расцвету и росту могущества страны, к новой славе.

Успех выполнения планов решают люди, — самый ценный капитал советской страны. Советский человек стремится достичь прогрессивных норм, передовых показателей, освоить новые методы в работе. В нашей стране человек — не придаток машины, а ее хозяин и повелитель. Механизация трудоемких процессов, осуществляемая советским государством в широчайших масштабах, получает в новом году сталинской пятилетки огромный размах, свидетельствующий о нашей силе, о широте масштабов развития индустрии и сельского хозяйства, об огромных преимуществах социалистического строя, при котором машина не грозит человеку безработицей, а облегчает его труд.

Из векового проклятия, каким был труд в прежние времена, каким он описан во многих произведениях литературы и отражен в десятках полотен лучших художников прошлого, в советской стране труд стал радостью, делом чести и славы.

В нынешнем, третьем году пятилетки мы будем отмечать столетие рождения вдохновенной «песни песней марксизма» — «Коммунистического манифеста», будем отмечать его в труде, направленном к дальнейшему укреплению социалистического отечества, созданного Лениным и Сталиным.

Идеи коммунизма вдохновляют и воодушевляют сотни миллионов людей — в советской стране и за ее рубежами, вдохновляют на жизнь, на труд, на борьбу, на высокое идейное творчество. «Нельзя считать случайностью, что ныне лучшие произведения литературы принадлежат перу писателей, которые чувствуют свою неразрывную идейную связь с коммунизмом» (В. Молотов).

Жизнь и работа миллионов тружеников — героев сталинской пятилетки, строителей коммунизма — вот огромная, поистине неисчерпаемая тема нашей литературы. Не беглых зарисовок, не холодных бесстрастных заметок, но ярких, взволнованных произведений, написанных кровью сердца, ждет страна!

В годы войны и в послевоенный период вырос, окреп, возмужал наш современник, советский человек. Богаче стал его жизненный опыт, увереннее шагает он по жизни. Шире стал его кругозор.

Героя нашего времени — умного, знающего, умелого человека, хозяина страны, неутомимого работника не удовлетворишь легковесными книжками, беспредметной риторикой.

— Дайте мне такую книгу, которая не отвлекала бы меня от жизни, а учила жить, —говорит он, обращаясь к писателю, — книгу, в которой я увижу себя таким, каков я сегодня и каким буду завтра. Книгу, в которой отразится широкая картина труда, строительства, созидания.

В книгах нового, 1948 года мы хотим увидеть новые образы героев нашего послевоенного времени: коммуниста — организатора и борца, вожака и агитатора; шахтера, возрождающего родную шахту; заводского конструктора, организующего по-новому процесс производства; новатора-стахановца, смело ломающего старые, отжившие нормы и представления; колхозника, который заботливо выращивает новый, невиданный урожай.

Писатель должен выйти на передовую линию всенародного трудового фронта. Пусть он придет на стройку новых плотин и каналов, на площадки, где сооружаются домны и мартены, в цехи заводов и фабрик, пусть спустится в шахты, пусть явится к героям колхозных полей, пусть еще лучше узнает повседневный героический труд народа, руководимого партией Ленина—Сталина.

Новые великие произведения рождаются не в тиши кабинетов, не в одиночестве, а в гуще современности. Лучшие книги 1948 года напишут те писатели, которые непосредственно связаны с народом, которые живут его жизнью, его планами, помыслами, успехами, радостями.

Счастлив советский писатель, чувствующий свою неразрывную идейную связь с коммунизмом, с большевистской партией. Он знает, что он не один, что он нужен народу. Страна ждет от него новых книг— горячих, правдивых, честных произведений о великом нашем времени, о народе-созидателе, который в боях и в труде под испытанным и непобедимым знаменем Ленина—Сталина идет к новому расцвету нашей социалистической Родины.

ВОИНСТВУЮЩИЕ КНИГИ

В первый день войны, 22 июня 1941 года, возле Львовского почтамта от разбойничьей фашистской авиабомбы погибли два выдающихся украинских писателя: Степан Тудор и Александр Гаврилюк. Погибли... Разве они погибли? Сейчас их книги вышли в львовском издательстве «Вільна Украïна».

Я назвал бы эти книги товарищами, книгами-друзьями, братьями по оружию. Они живы, они воюют.

«День отца Сойки» — так называется роман Степана Тудора. Эта книга, бесспорно, является одним из самых оригинальных и действенных произведений украинской литературы последних лет. Если бы мы не знали, что она написана еще до войны, можно было бы подумать, что она родилась сегодня, явившись страстным откликом писателя-бойца на волнующие всех нас вопросы современности. Самым своим острием, всей своей художественной силой книга направлена против темных интриг международной реакции, пытающейся встать на пути человеческого прогресса.

Герой повести Михаил Сойка — выкормыш, воспитанник и убежденный оруженосец Ватикана. Шаг за шагом, с добросовестностью истинного художника, автор исследует Сойкину жизнь. Молодой теолог Сойка, потомок кулаков-контрабандистов, попадает из Западной Украины в цитадель католицизма — Рим. Здесь он проходит ту иезуитскую науку цинизма, коварства и обмана, о настоящей подоплеке которой массы простых верующих не имеют ни малейшего представления. Изучая в огромных библиотеках Ватикана историю католической церкви, в частности — историю «святой инквизиции», Сойка, в конце концов, становится убежденным атеистом. Но это — для себя. А для других он, собственник, хищник, продолжает быть рьяным защитником этой самой многовековой лжи католической церкви. Иначе нельзя. Ведь на обмане зиждется все его материальное благополучие. Мало того, Сойка, клерикал, всерьез принимается за изучение научного социализма: он видит силу этого учения и понимает опасность его для себя и своего класса. «Основательное познание социализма — первое и необходимое условие для борьбы с ним» — такова программа Сойки, штудирующего в Ватикане Маркса и Ленина.

Сойка не один. Его окружают такие же ученые святоши, проникнутые смертельной ненавистью к трудящимся. На папском престоле восседает циник и атеист. Его занимают, собственно, не дела церкви, его прежде всего беспокоят судьбы международного империализма. От подножия папского престола расходятся по всему миру нити грандиозного заговора против страны социализма, здесь рождается идея «крестового похода» против СССР, идея так называемой «католической акции», провозглашенной Ватиканом в 1922 году. С большой убедительностью и неотразимой правдой вскрывает Степан Тудор тайные пружины, установленные Ватиканом. Выполнение социальных заказов международного империализма, продуманная до тонкостей борьба против распространения среди народов идей коммунизма — вот истинная цель широкого заговора мракобесов-агрессоров, одетых в сутаны.

Сойки достаточно умны, чтобы понять свою обреченность. Они сознаются в своей среде, что «наш мир в самом деле идет к гибели, никто из нас, к тому призванных, не имеет ни силы, ни способа, чтобы направить мир на иной путь...» Они не закрывают глаз на то, «что существует между нас, — не между нас, дословно говоря, а против нас, — целое общественное направление, большое и молодое», то-есть коммунизм. Но, осознавая это, они с тем большей яростью бросаются в свои предсмертные авантюры. «Пусть погибнет мир, только бы не было коммуны!» — вот их злобный девиз, созвучный воплям современных «атомщиков».

Книга Степана Тудора сильна своим убийственным сатирическим огнем, направленным на разоблачение звериного существа международной реакции, сильна обнажением корней ее темных замыслов.

«День отца Сойки» как бы дополняется и продолжается другим волнующим произведением — повестью «Береза» Александра Гаврилюка.

Автор ее — писатель-коммунист, один из отважных борцов против фашистского режима пилсудчины. За 29 лет жизни он десять раз сидел в фашистских польских тюрьмах и концлагерях. Жизнь одного из таких лагерей, Березы Картузской, изображена в повести.

Гаврилюк вводит читателя в фашистский ад. Заключенные здесь заняты тем, что переносят целыми днями с места на место плиты бетона. Роют ямы и, вырыв, снова засыпают их землей. Бессмысленный труд, жесточайшие пытки, дикая гимнастика, пока кровь хлынет горлом... Но не только изображением кошмаров концлагерной жизни глубоко волнует читателя эта книга. Неиссякаемая сила повести в том, что автор показывает, как люди, озаренные великой идеей, становятся непобедимыми. Никакие пытки, мучения не в состоянии сломить дух сознательных революционеров. На дне фашистского ада, в самой же Березе, действует подпольная организация коммунистов. Она ведет мужественную борьбу против чудовищной машины концлагеря, прообраза будущих Освенцимов.

Кончается книга стихами писателя, которые были приняты заключенными революционерами, как свои задушевные непокорные песни. Своей мажорной жизнеутверждающей силой они перекликаются с пламенными воззваниями Фучика, звучат гордым гимном коммунизму, поют высокую цель нового человечества. Эти песни вдохновенного мужества, песни несгибаемой воли прозревшего человека звучат вызовом всем Сойкам, всей темной злобствующей своре мракобесов и реакционеров, которые пытаются остановить колесо истории.

Благородное дело выполнил писатель Петро Козланюк, который подготовил к печати эти произведения своих погибших товарищей. Рукопись романа Тудора во время гитлеровской оккупации Львова побывала в руках полиции, в новой Березе Картузской; в том единственном оригинале, который удалось спасти, нехватает сейчас многих страниц. Но как раненные в атаке воины, эти книги снова стали в строй и честно сражаются рядом с нами против темных сил мировой реакции.

Олесь ГОНЧАР.

Американские врачи экспериментируют на людях

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Научный экспериментатор, да и вообще просто культурный человек никогда не доходил до мысли воспользоваться человеком, как подопытным лабораторным животным. Только изуверский фашизм, совершенно лишенный чувства человечности, применил массовое использование военнопленных, политических заключенных, беззащитных женщин и детей для преступных «экспериментов».

Опыты на людях запрещены во всем цивилизованном мире. Если исследователь, желая окончательно убедиться в положительных качествах того или другого лечебного средства, считает необходимым проверить его действие на человеке, то этот окончательный эксперимент он проводит на самом себе. Но даже в таких случаях требуется соблюсти ряд формальностей, которые должны доказать необходимость опыта. Вот почему вызывает удивление и негодование сообщение американской медицинской печати о том, что в США применяются осужденные всем миром фашистские методы экспериментирования на людях.

В № 7, том 132, «Джорнел оф америкен медикал асошиейшн» на 362-й странице рассказывается об опытах прививки дизентерии так называемым «добровольцам», осуществленных в тюрьме штата Иллинойс.

Я не знаю, можно ли это преступление — провоцирование определенной болезни на десятках заключенных — подвести под юрисдикцию соответствующего международного трибунала или же, подобно многим другим преступлениям против прав человека в буржуазных странах, они находятся под покровительством хваленой «западной демократии». Но я думаю, что использование 122 заключенных в качестве подопытных морских свинок (хоть их и назвали «добровольцами») является прямым продолжением практики немецкого фашизма.

Я хочу через Вашу газету выразить свое возмущение по поводу подобных «экспериментов» американских врачей.

Профессор Х. Х. ПЛАНЕЛЬЕС
Институт эпидемиологии, микробиологии и инфекционных болезней Академии медицинских наук СССР.
МОСКВА.

Кто же занимается радиофикацией села?

Прошло три года после освобождения Винницкой области от немецких захватчиков.

За эти три года в селах нашей области построено 67 радиоузлов. Принадлежат они колхозам, совхозам, МТС и сахарным заводам.

Каждая постройка нового радиоузла — большая радость в селе. Но часто эта радость бывает очень короткой. Два-три месяца и... радиоузел выходит из строя. Сейчас в нашей области не работают 15 радиоузлов. Нет ламп, нет конденсаторов, нет трансформаторов и т. д. На радиоузле села Мироновка Ямпольского района сгорел конденсатор. Чтобы купить новый конденсатор, радиотехник села вынужден был ехать за 300 км в Киев. В Виннице конденсаторов в продаже нет. Не работает узел и в селе Чернятин Жмеринского района. Нет ламп.

Где же могут купить эти запасные части представители местных сельских радиоузлов, где могу купить их я, председатель Винницкого областного радиокомитета?

В областном управлении Министерства связи мне говорят: «Мы снабжаем только свои радиоузлы», т. е. радиоузлы областных и районных городов.

Сельскими же радиоузлами занимается Министерство сельского хозяйства, которое создало множество контор, призванных заниматься сельскими радиоузлами. Это разделение вносит бесконечную путаницу и вредно отражается на всей работе областных радиокомитетов.

Радиофикация села — очень важное дело, поэтому, мне кажется, нужно создать единую организацию, которая осуществляла бы техническое руководство сельской радиофикацией. Созданием такой организации должен заняться Всесоюзный радиокомитет.

Н. ГНЕННЫЙ,
председатель Винницкого областного радиокомитета.

Герой пятилетки должен стать героем наших книг

Описание крестьянской жизни и крестьянского труда имеет в литовской литературе давние традиции. Во «Временах года» Донелайтис реалистически изобразил жизнь крестьян и их взаимоотношения с помещиками. Жемайте и Лаздину Пеледа продолжали эту линию.

Сейчас в литовской деревне, в связи с земельной реформой, произошли большие изменения: бывшие батраки, безземельные крестьяне получили землю, стали хозяевами. Писать об этом новом хозяине литовской деревни стало не только значительно сложнее, но и вообще изобразить его можно лишь по-новому: образ крестьянина за эти годы неузнаваемо преобразился. В нашей республике работают 58 машинно-тракторных станций, оснащенных сотнями тракторов, молотилками и другими сельскохозяйственными машинами. В психологии человека, работающего на этих машинах, появилось много новых и интересных черт, к которым наши писатели, к сожалению, не присматриваются с должной зоркостью.

О рабочем, создающем материальные ценности на фабриках и заводах, в нашей литературе также не появилось еще полноценного произведения.

Когда возникает вопрос о том, как жили в досоветское время литовские рабочие, мне вспоминаются прежде всего «Бразилки» и «Биржа труда». «Бразилками» именовались жалкие, ветхие лачуги на окраине города Каунаса, где ютились семьи рабочих. Часто несколько семей занимали одну комнатенку, ни о каких гигиенических условиях не могло быть и речи.

Не менее удручающее впечатление производила на меня и биржа труда, где в любое время года толпились сотни безработных, готовых за гроши продать свой труд. Безработица была величайшим проклятием в условиях буржуазной Литвы.

Сейчас нам нехватает рабочей силы, хотя сотни тысяч рабочих трудятся по восстановлению Шауляй, Клайпеды, на строительстве новых фабрик и заводов.

Волна соревнования подняла на своем могучем гребне труд сотен тысяч людей.

Изменилось отношение к труду. Наш советский рабочий, как небо от земли, отличается от того забитого и бесправного раба, который ранее надрывался на фабриках и заводах литовских и немецких капиталистов.

Патриотический клич ленинградцев: «Пятилетка — в 4 года!» — нашел могучий отклик в сердцах литовских рабочих. Мы можем назвать токаря каунасского металлообрабатывающего завода Тарнаускас, строителя Вишнаревскис, ткачих Норкене, Обламайтис, обувщиков, освоивших метод Матросова,—Рачкаускас и Павочку, железнодорожников Лунис и Ивашкявичус, которые перевыполнили в 2—3 раза годовые нормы. Необычайно привлекателен духовный облик этих новаторов производства. Мы, писатели, обязаны пристально, любовно изучить героев нашей действительности, проникнуться мотивами их поступков, их передовыми, обновляющими все существо чувствами.

О современных рабочих писал И. Капнис. Рассказы И. Балтушиса подкупают правдивостью и верностью ситуаций. Но рабочая тематика в творчестве этих писателей занимает слишком незначительное место. Хотелось бы, чтобы кроме рассказов эти писатели перешли к более широким картинам рабочей жизни, овладели жанром большой повести, многотомного романа.

Два-три рассказа молодого писателя И. Довидайтиса похожи скорее на очерки; Довидайтис торопливо пересказывает события, ограничивается портретной зарисовкой, он не владеет еще по-настоящему умением раскрыть психологию действующих лиц — это снижает художественную и познавательную ценность его произведений.

Героические усилия рабочего класса, созидающего новое коммунистическое общество, достойны того, чтобы запечатлеть их в высокохудожественных романах и повестях. Такова основная задача, над которой, не покладая рук, должны работать литовские писатели.

А. ВЕНЦЛОВА.

Дадим стране больше бумаги

1. ПЛИТКИ И КОТЛЫ

Огромные котлы, в которых варится целлюлоза, обмурованы плитками, вырабатываемыми на Щекинском керамическом заводе Министерства строительных материалов СССР.

Качество плиток — отвратительное. До войны плитки хорошего качества поступали с Боровичского завода.

Мы просим министра строительных материалов СССР тов. Гинзбурга обязать, наконец, Щекинский завод выпускать доброкачественные плитки. Если же заводу это не по силам, то не пора ли передать заказ Балахнинского бумажного комбината снова Боровичскому заводу?

2. ГРЯЗЬ НА СЕТКАХ

Краснокамский завод Министерства целлюлозной и бумажной промышленности поставляет сетки всем бумажным комбинатам страны. Выпускаемые сетки залиты битумом; мастерам и сеточникам Балахны приходится тратить много времени и сил на очистку. Пятна остаются, и это сказывается на качестве бумаги, вызывает обрывы полотна.

Не пора ли Краснокамскому заводу ликвидировать небрежность?

3. ЗАВОД «КАУЧУК» УХУДШАЕТ КАЧЕСТВО БУМАГИ

Московский завод «Каучук» — единственное предприятие в стране, которое покрывает резиной важную деталь бумагоделательных машин — прижимные валики. От валиков зависит плотность и влажность бумаги.

Однако завод «Каучук» позорит свою фабричную марку. Промариновав заказ Балахнинского бумкомбината больше года, завод прислал, наконец, валик, но валик пришлось немедленно вернуть, — резина от него отстала.

Машина № 1 второй год работает без валика и дает много брака.

4. БОЛЬШИЕ ПРОСТОИ

Ленинградская хлопчатобумажная фабрика «Нева» снабжает Балахнинский бумажный комбинат недоброкачественными канатиками шихена. Канатики сплетены неровно, они местами толще, местами тоньше, часто рвутся. Процесс замены их вызывает многочасовые простои.

Мы просим бригаду писателей, работающую в Ленинграде, принять меры к улучшению качества продукции фабрики «Нева».

Бригада Союза советских писателей и «Литературной газеты»
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ, А. КРОНГАУЗ, М. ЛУКОНИН, С. СМИРНОВ, М. АМШИНСКИЙ.
ПРАВДИНСК, Горьковской области.

Романтика возрождения

Особенность белорусской поэзии в том, что по своему направлению и звучанию она очень близка к поэзии народной. Это не имитация народности, а глубокая, естественная творческая близость.

Переводами с белорусского языка я занимаюсь давно и с большой любовью. Более пятнадцати тысяч строк довелось мне перевести из книг белорусских поэтов — переводил Янку Купалу, Якуба Коласа, многих других. В последнее время меня особенно привлекает большое и самобытное дарование Аркадия Кулешова.

Когда переводишь стихи белорусских поэтов, всегда ощущаешь, как свежо они воспринимают жизнь, как зорко видят детали, как своеобразно подходят к теме.

Последние два года белорусская литература уделяет большое внимание темам послевоенной жизни. Стихи о восстановлении родной республики занимают огромное место в творчестве белоруссов. Да и может ли быть иначе!

Немцы хотели превратить Белоруссию в «зону пустыни», разорить и опустошить ее до тла. Но белоруссы неутомимо восстанавливают свою опаленную землю. Строят села — краше былых, поднимают из руин древние города, возводят новые городские архитектурные ансамбли, возрождают заводы и фабрики.

Миллион восемьсот тысяч белорусских крестьян переселились осенью этого года из землянок в новые дома.

Не может советский поэт не писать о том, как сожженные деревни вырастают заново, как вчерашние воины запахивают и засевают поля, где шли неслыханные сражения, как начинают работать восстановленные заводы и фабрики.

Радость освобождения, счастье созидания звучат в новых песнях и стихах Белоруссии. О восстановлении республики пишет и Петрусь Бровка в поэме «Ясный Кут».

Мне кажется очень удачным и типичным для этого настроения стихотворение Аркадия Кулешова «Новый дом»:

Некогда дом красовался
На месте этом.
После бомбежки стоять он остался
Скелетом.

Мимо промчалися с громом,
Прошли непогоды.
Стать он надеется домом,
Как в прошлые годы.

. . . .

Пусть еще в окнах — не стекла,
А небо одно голубеет, —
Люди, идущие около,
Видят, как он молодеет.

Ступень восстановления, которую отражает это стихотворение, уже пройдена белорусским народом. Большой белорусский дом растет с каждым днем и становится выше, крепче и богаче, чем был до войны.

Под знаком жизнеутверждающей романтики, которая не только оттеняет, но и углубляет общее реалистическое звучание белорусской поэзии, прошел 1947 год. С большим творческим под'емом вступают белорусские поэты в новый, 1948 год, который должен стать годом новых литературных побед!

М. ИСАКОВСКИЙ.

Курсы по повышению квалификации трумэновских журналистов

Рис. Ю. ГАНФА.

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ О К. С. СТАНИСЛАВСКОМ

В издательстве Всероссийского театрального общества выйдет в ближайшее время большой (свыше 40 печатных листов) сборник воспоминаний о К. С. Станиславском.

В сборнике помещены воспоминания о К. С. Станиславском его сестры, брата, жены, артистов О. Книппер-Чеховой, Л. Леонидова, С. Гиацинтовой, С. Бирман, писателя Н. Телешова, постоянного врача Станиславского А. Шелагурова, рабочего сцены И. Титова и ряда других лиц.

Значительную часть книги составляют многочисленные фотографии, относящиеся к жизни и творчеству великого мастера русской сцены.

УНИВЕРСИТЕТЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Президиум ЦК профсоюза работников искусств принял решение об организации трехмесячника культурно-художественного обслуживания личного состава вооруженных сил СССР в ознаменование 30-летия Советской Армии.

В период с января по март 160 тысяч работников искусств примут участие в спектаклях, творческих отчетах, литературно-музыкальных вечерах, лекциях, докладах, собеседованиях в воинских частях гарнизонов. Каждый театр устроит для своей подшефной части два-три спектакля. Кроме того, организуются выездные шефские спектакли.

Все театры включаются в работу по проведению смотров художественной самодеятельности в гарнизонах. В 14 городах Советского Союза, в том числе в Москве, Ленинграде, Киеве, Львове, Баку, Тбилиси, организуются университеты музыкальной культуры для командного состава Советской Армии.

Ан. БАРЯНОВ

Американские войска в Китае

Летом минувшего года Китай посетил личный представитель президента США Трумэна генерал Ведемейер. Старый приятель гоминдановских реакционеров, занимавший во время войны пост начальника штаба Чан Кай-ши, он был принят в Нанкине со всеми подобающими «высокому гостю» китайскими церемониями. Хотя официальной задачей поездки Ведемейера была об'явлена «стабилизация китайской экономики», его пребывание в Китае окружала «таинственная значительность». Всем стало ясно, что визит американского генерала преследовал более сложные, более широкие и далеко идущие цели.

Как теперь стало известно, «секрет» миссии Ведемейера заключался в том, чтобы прежде всего «договориться» с Чан Кай-ши и возглавляемой им кликой об условиях дальнейшей военной поддержки разлагающегося гоминдановского режима.

Генералу не было нужды торговаться. Он приказывал. На основе выработанных еще в Вашингтоне условий Ведемейер потребовал: предоставления в распоряжение Соединенных Штатов новых военно-морских и военно-воздушных баз на территории Китая; предоставления США права строгого контроля над расходованием нового американского военного займа гоминдановцам в размере полутора-двух миллиардов долларов; предоставления права контроля над использованием товарных кредитов и вооружения, получаемых из США.

Чан Кай-ши выразил полнейшую готовность сдать в аренду стратегические базы и согласился признать право экстерриториальности американских войск и американских военных учреждений в Китае. Со своей стороны, Чан Кай-ши выдвинул предложение, чтобы США сформировали, обучили и вооружили для гоминдановской армии дополнительно 10 пехотных дивизий в составе 60 бригад и 12 артиллерийских дивизионов. Он просил также о срочной доставке в Китай не менее 300 тяжелых бомбардировщиков и 200 истребителей.

Следует заметить, что к середине 1946 года США уже подготовили для Чан Кай-ши 57 дивизий, которые составили 20 новых армий Гоминдана. В 1947 году американцы подготовляли и оснащали еще 30 механизированных дивизий.

Информированная китайская газета «Дагунбао» сообщила, что предложенный Ведемейером в Вашингтоне план дальнейшей помощи гоминдановскому Китаю утвержден Трумэном. Известно, что миллиардные военные займы и громадные поставки для продолжения братоубийственной гражданской войны на деликатном языке дипломатов принято почему-то называть помощью. Этими же деликатными соображениями, видимо, об'ясняется и факт пребывания в Китае американских войск. В свое время США направили в Китай крупные вооруженные силы для «принятия капитулировавших японских войск». Устами Трумэна правительство США определяло свои вооруженные контингенты в Китае в 112 тысяч человек.

На Московском совещании министров иностранных дел в конце 1945 года США и СССР взаимно обязались вывести свои войска с китайской территории в кратчайший срок. К апрелю 1946 года советские войска были выведены из Маньчжурии. Американцы же к выполнению взятых на себя обязательств не приступали. Более того, они продолжали посылать в Китай новые подкрепления.

В 1946 году в порты Хулудао (Южная Маньчжурия), Тяньцзинь и Тангу прибыли новые части морской пехоты. В феврале 1947 года в порту Циндао высадилось 1.400 военных моряков, принявших участие в маневрах американских войск в Тяньцзине.

На совещании министров иностранных дел, происходившем в Москве в марте 1947 года, государственный секретарь США Маршалл заявил, что эвакуация американских войск из Китая «будет продолжаться по мере предоставления тоннажа». Тем не менее и по сей день в Китае остается значительное число солдат и матросов регулярных войск и военного флота США. Это число, по сведениям китайской печати, превышает 100.000 человек.

Дислоцированы американские войска, согласно китайским данным, в следующих пунктах:

Морская пехота: 1-я дивизия (18.000 человек)—в Цзянцзине, Тангу, Цинвандао и Хулудао; 3-я дивизия (18.000 человек)—на участках железной дороги Бейпин—Цзянцзинь — Таньшань — Тангу и участке от Цзянцзина до Чжентина; 6-я дивизия (15.000 человек)—в Циндао.

Морская авиация: 1-й отряд—в Циндао, 2-й и 3-й отряды—в Бейпине.

Морской флот: 7-й американский флот Тихого океана, состоящий из 157 боевых единиц (15.000 матросов и 35.000 солдат морской пехоты),—в разных портах Китая, в основном в Циндао и Цинвандао.

В Китае в настоящее время находится больше 10.000 американских офицеров—военных, авиационных и военно-морских советников, так называемых «маджик».

Группами «маджик» еще в 1946 году в Северном Китае были организованы: 4 школы военных шпионов, 22 военных школы и 5 училищ по подготовке кадров для военно-воздушных сил. Наиболее крупные школы — военно-морская в Циндао, военно-автомобильная в Нанкине, танковая, связи, военно-инженерная и школа штабных офицеров в Куньмине, авиационная в Ханькоу и школы парашютистов в Куньмине, Нанкине, Кантоне и Хэньяне.

Помимо уже имеющихся и спешно строящихся сейчас военно-морских баз, Соединенные Штаты располагают в Китае большим количеством военно-воздушных баз. Эти базы находятся в Нанкине, Шанхае, Ханькоу, Куньмине, Цинвандао, Бейпине, Тяньцзине и многих других стратегически важных пунктов.

Американские вооруженные силы и флот, базирующиеся в Китае, не просто стоят там на отдыхе. Они весьма деятельно вмешиваются во внутренние дела этой страны, воюя на стороне Гоминдана.

Еще в октябре 1945 года американские войска оккупировали Бейпин-Мукденскую железную дорогу, которая, находясь под их охраной, стала впоследствии главной артерией переброски гоминдановских войск в Маньчжурию. Американский военный флот и авиация перебросили в Маньчжурию по воздуху и морем 13 гоминдановских армий (37 дивизий и 12 инженерных полков).

Зарегистрировано много фактов непосредственного участия американских войсковых подразделений в боях между гоминдановцами и Народно-освободительной армией. Все столкновения американцев с частями демократических войск были, как правило, спровоцированы самими американцами.

Известно, что американские солдаты, под прикрытием трех танков, напали на позиции Народной армии в районе моста № 52 на Бейпин-Мукденской железной дороге у населенного пункта Саньхэ. Подобных примеров можно привести много.

Американские войска поддерживают разложившуюся клику продажных и политически обанкротившихся мошенников и авантюристов, составляющих нынешнее правительство гоминдановского Китая. Чувствуя, что национально-освободительное движение китайского народа может сорвать планы США по закабалению Китая, американские империалисты усиленно раздувают пожар кровопролитной гражданской войны. Щедро отпуская правительству Чан Кай-ши миллиардные займы и громадное количество военных материалов и вооружения, подготовляя, обучая и оснащая для него новые армии, Уолл-стрит рассчитывает руками гоминдановских милитаристов задушить китайскую народную революцию. Чан Кай-ши усердно старается оправдать надежды «хозяев», но с довольно грустными для Гоминдана итогами. За истекшие восемнадцать месяцев войны войска Гоминдана потеряли 640.000 убитыми и миллион пленными.

Поспешно укрепляясь на тихоокеанском побережье Китая, США стремятся также создать прочный плацдарм для новой агрессии в странах Восточной Азии и Тихого океана. В этом, очевидно, и надо искать разгадку столь затянувшегося пребывания американских войск в Китае.

УСПЕХИ ГРЕЧЕСКИХ ПАТРИОТОВ

Помещаемая нами карта впервые появилась в греческой демократической газете «О Ризос» от 1 сентября 1947 года. Освобожденные районы Греции на карте условно обозначены елочками. Карта отражает положение, создавшееся в конце августа 1947 года, когда Демократическая армия в результате успешных наступательных действий полностью овладела горным хребтом Пинд, расширила освобожденные территории в районе городов Конница — Янина — Мецово — Калабака — Триккала — Лариса и вышла к городам Арта и Амфилахия.

В настоящее время территория, освобожденная Демократической армией, еще более увеличилась.

Факты без комментариев

ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫЕ ДИКАРИ

В конце ноября нью-йоркская пресса поместила пространные материалы о торжественном открытии зимнего сезона в «Метрополитен-опера». К чему же свелись, в основном, впечатления театральных репортеров и фотографов? В первую очередь, они сообщили о сенсационном поведении некоей миссис Трокмортон, курившей толстую гаванскую сигару. Немалое число газет восторженно описывали, как 70-летняя вдова нефтяного магната Гендерсона, в состоянии полного опьянения, наглядно доказывала, «что ноги ее ничем не уступают ногам кинозвезды Марлен Дитрих». На вопрос о том, как ей понравилась опера, она ответила, что даже не слушала ее. Весь этот «эпизод» был проиллюстрирован соответствующими снимками. В то же время в большинстве отчетов не было даже указано, какая именно опера шла в этот вечер.

НОВОЕ «СВЕТИЛО» СЮРРЕАЛИЗМА

В «Бизонии» пользуется сейчас шумным успехом «художник»-сюрреалист Рольф Гугель. В своем новейшем варианте сказки о Золушке он изобразил злую мачеху в виде... «скатерти со свисающими, подобно пауку, глазами». На другой картине сфабрикованная из стального литья Золушка подает сигнал своему отцу, изображенному в виде паровоза с часами вместо колес.

Написанная Гугелем фреска на тему «Мученичество» состоит из изображений маски, забрызганного кровью аккордеона и нескольких пар туфель на высоком каблуке, валяющихся в снегу. Во фреске «Воскресение» центральное место занимает корабль, киль которого опирается на большой и указательный пальцы гигантской руки. Парус корабля обволакивает висящую в воздухе половину человеческого лица.

«КОШКИН ХВОСТ»

На каком уровне в США находится охрана труда, как там стремятся облегчать труд рабочего?

Вероятно, советского читателя очень удивит, что в некоторых опасных цехах заводов США еще и теперь применяется приспособление, носящее оригинальное название «кошкин хвост». Это попросту веревка с узлами, спускающаяся в дверях опасного цеха и ударяющая входящего по лицу: вспомни, что ты входишь в помещение, где твоей жизни на каждом шагу грозит опасность...

Автомобильный завод Шевроле недавно ввел у себя некоторые усовершенствования в системе конвейера и в окраске машин. Это событие дало повод обозревателю журнала «Scientific American» (1947, № 8) высказаться о техническом прогрессе в США.

Когда идет речь о новых методах работы или новых материалах, пишет обозреватель, предприниматели быстро хватаются за них. Но если дело более или менее серьезно касается рабочего, вокруг него воцаряется поразительная апатия, могильная тишина. Вам охотно покажут усовершенствованный умывальник для рабочих, расскажут о лучшей рабочей спортивной команде, продемонстрируют старичка, награжденного за бесчисленные годы безукоризненной службы золотыми часами. Но никто не обращает внимания на страдания рабочих, принужденных слишком гнуться у конвейера, работать в респираторах, потому что нет соответствующей вентиляции. Даже неточность сборки машин и других изделий, происходящая из-за крайнего неудобства работы, не беспокоит заводчиков, если это не причиняет серьезных убытков.

Шандор ПЕТЕФИ

Мечтаю о великих днях

**Мечтаю о великих днях я,
Они разрушат все на свете,
Они на старого руинах
Мир сотворят, что нов и светел.**

**Звучала б лишь, о лишь звучала б
Труба борьбы, все громы множа,
О, знака битвы, знака битвы,
Едва дождаться сердце может.**

**И вскакиваю я в восторге
На жеребца, седла не чуя,
В ряды бойцов скачу я с жаром,
С свирепой радостью лечу я.**

**И если грудь пробьют мне пули, —
Найду, кто рану забинтует —
Кто будет боль моих ранений
Лечить бальзамом поцелуев.**

**И есть кому — в плену ли буду,
Притти в темницу к изголовью
И осветить ее, как светом
Звезды предутренней, — любовью.**

**На плахе если же умру я,
Под боевой паду ль грозою,
Найдется кто с груди пробитой
Кровь смоет светлою слезою.**

Перевел с венгерского **Николай ТИХОНОВ**.

В. РУБИН

Бен Тэккер и другие

Американскому писателю Айре Уолферту, автору интересной книги «Банда Тэккера», * с трудом удалось найти в Америке издателя. Теперь эта книга вышла у нас. В США издаются десятками так называемые «романы о гангстерах». В них гангстеры показаны с таким же налетом экзотики, как ковбои в голливудских фильмах о «далеком Западе». В книге же Уолферта гангстеры изображены без романтического ореола, такими, как они есть в американской действительности, в стандартном обличье почтенных бизнесменов, чуть ли не столпов общества.

Уолферт убедительно показывает, что гангстеризм, принявший в США массовые размеры, является не только прочно укоренившимся атрибутом американского быта, но что это, по существу, такая же отрасль экономической и общественной жизни, как, например, производство консервов или организация ночных клубов.

Тема романа Уолферта — борьба между монополистами гангстеризма и «одиночкой», кустарем этого промысла, пытающимся выступить изолированно, борьба между отдельными гангстерскими кликами за «сферы влияния» и «рынки сбыта». Законы капиталистической экономики действуют и для этого вида бизнеса и определяют его организационные формы.

Деятельность гангстеров и рэкстиров весьма разнообразна. Им подвластны игорные притоны, индустрия наркотиков, дома терпимости. Немалую роль играют гангстеры и во время выборов, воздействуя методами запугивания на определенные группы избирателей. Отсюда их связь с воротилами республиканской и демократической партий, которым они оказывают, за соответствующее вознаграждение, различные услуги. Они терроризируют профсоюзных деятелей во время забастовок. Они «охраняют» отдельные промышленные предприятия от конкурирующих гангстерских организаций. Они вымогают деньги у одних и оказывают покровительство другим.

Уолферт показывает также тесную связь между гангстерами и государственным аппаратом. Суд и полиция фактически сотрудничают с ними. Их отношения столь тесно переплетены, что нередко трудно установить грань между нарушителями закона и официальными блюстителями правосудия. Не случайно одна из глав книги Уолферта озаглавлена «Бизнес правосудия». Борьба с гангстеризмом в сегодняшней Америке немыслима, говорит автор, ибо и гангстеры и «честные» капиталисты делают по сути одно и то же дело. Бен Тэккер — один из главных персонажей книги Уолферта, этот «босс» гангстерского синдиката — родной брат рокфеллеров и морганов, и его деятельность лишь повторяет в миниатюре крупный бизнес магнатов Уолл-стрита.

Уолферт знакомит нас с персонажами, весьма характерными для сегодняшней Америки. Лео Минч — маленький американский делец тщетно пытается сочетать стремление обогатиться, «выйти в люди» с попытками соблюсти «законность». В мире разнузданной конкуренции он чувствовал себя «затравленным зайцем». Всю жизнь он был убежден, что только бизнес создает человеку «нормальную» жизнь, «спасает его от всех бед». После бесплодных попыток продержаться в рамках «законной» коммерции он, в конце концов, сознавая свое бессилие, оказывается вынужденным избрать для себя «лотерейный» бизнес. Связанный с Лео Минчем финансовыми интересами, банкир Пирс говорит: «Ваш бизнес отвечает запросам нашего района. Он дает людям удовлетворение и надежду...» Но в борьбу с Минчем вступает лотерейный синдикат крупного гангстера Бена Тэккера. Минчу не повезло. «...Вся его жизнь прошла в том, что он... кидался с места на место, ища норы, в которой он мог бы притаиться и обрести покой в мире растущего крупного бизнеса». Это ему не удается. «Крупный бизнес, алчный и торжествующий, спустив со своры свои тресты и монополии, подбирался даже и к заячьим норам». Бен Тэккер, матерый босс гангстеризма, понимает, что сохранить и умножить свои капиталы, добытые путем вымогательств и грабежа, он может лишь на путях монополии. Он создает лотерейный синдикат, и его конкуренты-одиночки вынуждены покориться ему и войти в общее «дело». При первом же свидании с Тэккером Лео Минч видит, что перед ним грозная сила, способная сокрушить его в мгновение ока. «Да, это босс, — думал Лео, — стопроцентный, беспощадный — настоящий миллионер».

Резкими, выразительными штрихами рисует Уолферт образ Тэккера, этого героя Америки нашего времени. Свою карьеру Тэккер начал с убийства рабочего, и в дальнейшем, стремясь убрать опасных конкурентов или выведать нужную тайну, он не раз прибегал к этому средству. Но в данном случае, подчеркивает автор, он не проявлял особой оригинальности и лишь копировал методы своих «респектабельных» коллег, действовавших более замаскированно, но не менее решительно. «Быть может, Тэккер и его банда... отправили на тот свет меньше народа, чем автомобильные промышленники или стальные короли в борьбе против профсоюзов».

Тэккер пользуется услугами ловкого и способного адвоката Генри Уилока, вместе с «окружным партийным заправилой» — Бентом ограждающего его от всяких судебных «неприятностей». С откровенным цинизмом Уилок поучает Тэккера: «... Если вы хотите вполне безнаказанно, у всех на виду и совершенно открыто быть гангстером, вам надо иметь положение в обществе». В лице Уилока писатель рисует образ развращенного и опустошенного капиталистической цивилизацией интеллигента, вышедшего из низов. Нельзя сказать, чтобы Уолферту полностью удалось осуществить свой замысел, и фигура этого мятущегося человека, пытающегося заглушить алкоголем угрызения совести, менее убедительна, чем другие персонажи книги.

Наряду с Тэккером и его оруженосцами—Уилоком, Бентом, братьями Минч в книге фигурирует и рядовой американец, «маленький человек», случайно попавший в сферу действий «банды Тэккера». Это — бухгалтер Бауер, служащий конторы Лео Минча. Его исполненная трагизма судьба показывает неустойчивость положения этого жалкого винтика капиталистической машины. Бауер еще в раннем детстве испытал жестокую материальную нужду. Его отец, стрелочник трамвая, «после сорока двух лет работы на трамвае остался калекой». Компания платила ему жалкие гроши из пенсионного фонда, и старик собирался умереть «на посту», не замечая всего ужаса своего нищенского существования. В борьбе с нищетой проходит и жизнь его сына. «Маленький человек получил в наследство чувство неуверенности. Он родился в мире, где парил бизнес, превращенный в азартную игру; в этой игре выигрышем была нажива, а ставкой — человеческая жизнь. Тут негде было почерпнуть уверенность». Бауера охватил страх, который «не давал ему любить никого и ничего и не давал ему жить в мире ни с кем». Он боится последствий своей работы в «нелегальной» конторе и вместе с тем боится бросить ее, ибо это — единственный источник существования. Он предчувствует страшную развязку, и это предчувствие его не обманывает. Когда рушится трест Тэккера, вместе с ним погибает и Бауер.

Гибель «банды Тэккера» наступает не вследствие вмешательства государства, которое вовсе не заинтересовано в том, чтобы Тэккеры были устранены. Нет, Тэккер терпит поражение в борьбе с более мощным конкурентом, неким Фикко, главарем другого гангстерского треста.

Уолферт не выводит в своей книге ни одного представителя той Америки, которая не может быть отождествлена с Америкой Тэккеров и Бентов.

Уолферту удалось правдиво и красочно показать методы, которыми действует Бен Тэккер, его покровители и враги. Он сумел также передать атмосферу страха и неуверенности, неизбежную для общества, в котором «человек человеку волк». Но о том, что возможна борьба за иные, достойные человека условия жизни, — об этом Уолферт не говорит.

* Айра Уолферт. «Банда Тэккера». Государственное издательство иностранной литературы. Москва, 1947 год.

Анатоль ГИДАШ

ПЕВЕЦ СВОБОДЫ

К 125-летию со дня рождения Шандора Петефи

**..умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши.**
В. МАЯКОВСКИЙ.

**И я участвую в сраженье,
Я — командир, а мой отряд —
Мои стихи, в них, что ни рифма
И что ни слово, то солдат!
Меня переживет ли песня —
Такой вопрос не задаю,
Но знаю — иногда солдату
Бывает нужно пасть в бою.**
ПЕТЕФИ.

Величайший венгерский поэт, истощенный долгой болезнью и голодом, стоял у окна маленькой комнаты. Он только что принял два прощальных подарка от дебреценских студентов: потертую парусиновую сумку и пастуший посох — в защиту от собак. На столе лежала самодельная тетрадь, в ней единственная надежда поэта: его стихи. Сегодня Шандор Петефи отправлялся в Пешт. Вьюжный февраль ледяными лапами метелей загонял всех под кров — всех, кроме него...

«Я думал, — писал он позднее: — сумею продать свои стихи — хорошо, а не продам — тоже хорошо... Тогда или с голоду помру, или замерзну. По крайней мере придет конец моим страданиям».

В сумке его — каравай хлеба и кусочек сала, в руке — крестный отец всех бродячих псов — пастуший посох. Вот и все, что дал на дорогу величайшему поэту Венгрии задыхающийся от сытости кулацкий город Дебрецен.

А на прощанье, — чтоб и поэзия не осталась в обиде, — бедный студент богатого Дебрецена, Иожев Ковач, подымает руку, и все запевают песню, написанную на слова поэта;

Ах, любовь, любовь упряма,
Глубока, темна, как яма.
С той поры, как я влюбился,
Я как в яму провалился...

Песня кончается, поэт покашливает, умиленный, пожимает юношам руки. Он может отправляться в путь. В кармане его несколько крейцаров, в душе — великая любовь к родному народу...

«Один шагал я у подножья горы, ни одна живая душа мне не повстречалась. Все люди искали крова. Погода стояла страшная. Снегом вперемежку с дождем осыпал меня завывающий буран. Он мчался мне прямо навстречу. Слезы, выжатые холодом метели, замерзали у меня на лице».

Только двадцать один год исполнился ему. Но уже пять с половиной лет он странствовал. Он был студентом, солдатом, актером и снова студентом. Чахотка украсила предательским румянцем его лицо.

Шел 1844 год.

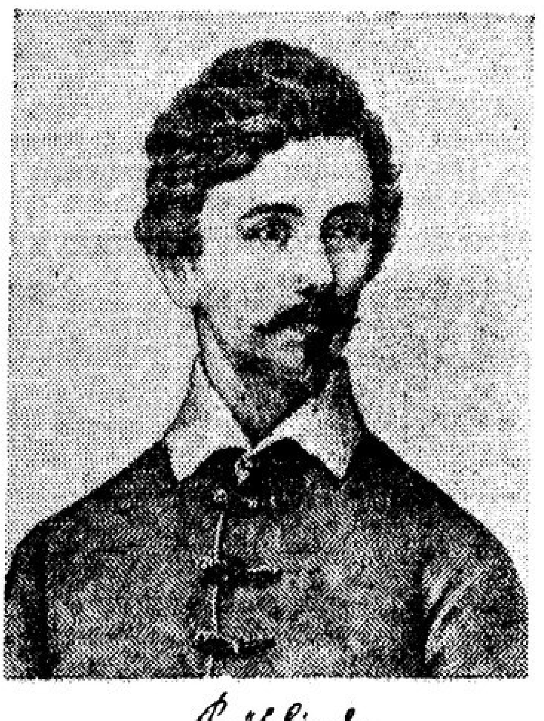
«Голову хотел бы снести тем, чьи деды ездили тогда на пятерке лошадей», — написал семьюдесятью годами позже другой великий поэт Венгрии Эндре Ади, вспоминая Петефи тех лет...

***

Мать поэта, Мария Хруз, была словачкой. До замужества она жила в прислугах. Она неправильно выговаривала венгерские слова и первые ласковые речи своему первенцу шептала на словацком языке, мягком, как шелест соснового бора.

Предки отца поэта, Иштвана Петровича, были сербами. Но полтора столетия назад они получили венгерское дворянство. Сам он, отец поэта, был мясником.

Мальчик унаследовал от матери мечтательную натуру, а от отца — страстное упрямство, отважный, ни с чем не считающийся в гневе нрав.

Сегодня ветерком, чуть легким, нежным,
На крыльях я лечу в зеленые поля
. . . .
Но завтра, вновь рожден, я грозным вихрем стану,
И в страхе куст согнется предо мною.

В 1844 году книгу Петефи, наконец, издали, и за какие-нибудь полгода он получил всеобщее признание, вознесся на такую высоту, какой не достигал ни один венгерский поэт.

До выступления Петефи трудящийся народ фигурировал в венгерской литературе в лучшем случае, как «интересная тема». К нему снисходили в «благие» мгновения, похлопывали по плечу. Формулируя свое творческое кредо, Петефи пишет: «Что бы там ни говорили, а истинная поэзия — поэзия народная. Ее надо сделать господствующей. Если народ будет господствовать в поэзии, он приблизится и к господству в политике, а в этом задача века».

Петефи внес в литературу, в поэзию язык народа. Не только в его политических стихах, где непосредственно звучали народные стремления и чаяния, но и в лирической и эпической поэзии венгерский народ узнавал самого себя. Поэтому стихи Петефи стали народными песнями, которые пелись по всей стране. В стихах на историческую тему он воспевал венгерское революционное прошлое, борьбу против чужеземного ига. Он воспевал свободу, но слово «свобода» у Петефи исполнено совершенно иного значения, чем у его предшественников. Для Петефи слово «свобода» вмещало в себя, в первую очередь, борьбу угнетенного народа против господ: «Море поднялось, пародов пучина!..»

Петефи провозглашал в своих стихах революционно-демократические идеи, и именно поэтому он стал поэтом не отдельной прослойки, а всего венгерского народа, певцом за освобождение всего человечества.

***

Выступления Петефи в литературе были встречены прогрессивной частью Венгрии ликованием. Реакционная же критика встретила его клеветой.

«... Я упоминаю только о четырех обвинениях, которые чаще всего пред'являют мне, а именно: что в моих стихах плохие рифмы, неправильные размеры, что они неуравновешенны и подлы.

Эти господа не имеют никакого представления о характере венгерских рифм и размеров. Они ищут в венгерских стихотворениях латинскую метрику и немецкие каденции, а в моих стихах этого нет! Я и не хотел, чтобы они были!..

Что же касается подлости в моих стихах, то торжественно предупреждаю всех: это низкая клевета. Я смело заявляю перед лицом своей совести, что не знаю ни одного человека, который бы чувствовал и мыслил честнее меня. Если в некоторых случаях и по некоторым поводам я выражаюсь свободнее других, то делаю это потому, что считаю поэзию не аристократическим салоном, куда являются только напомаженными и в блестящих сапогах...

Наконец, о том, что я не уравновешен... Это не удивительно... Моя жизнь протекала на поле битвы, на поле страданий и страстей. Со времени средневековья человечество очень выросло и все-таки до сих пор носит средневековую одежду... Она узка ему... теснит грудь... Так прозябает человечество в позоре и нищете; внешне оно покойно — только бледнее обычного, но тем больше оно волнуется внутри, как вулкан, близкий к извержению. Таков наш век. Могу ли я быть иным, я, верный сын своего века?»

...Реакция и позже не щадила память крупнейшего венгерского поэта. 1 января 1923 года в Венгрии было официально разрешено отметить столетие со дня рождения Петефи, а днем позже, 2 января, арестовали актеров, читавших его стихотворения.

«Я предчувствую революцию», — говорил Петефи друзьям. Поэт грозно говорит:

Предо мной кровавой панорамой
Встают виденья будущих времен:
В своей крови враги свободы тонут,
От тирании мир освобожден,
Стук сердца моего подобен грому,
И молниями грудь рассечена...

...6 января 1848 года в Италии разразилось восстание в Мессине, к 12 января пламя его перекинулось в Палермо, 27 января огненный Везувий в упоении смотрел на кипящую людскую лаву Неаполя... В феврале это пламя охватило Париж, на улицах рабочие дрались на баррикадах...

14 марта 1848 года в кофейную «Пильвакс» вбежал человек, только что прибывший пароходом в Будапешт, и закричал:

— Вчера в Вене разразилась революция! Меттерних пал...

В наступившей тишине «глаза одного молодого человека разгорелись огнем, худое бледное его лицо разрумянилось от волнения», он вскочил на столик и звучным голосом воскликнул:

— Ураган революции гудит у ближайшего соседа, ужели мы будем колебаться? Нет! Мы будем действовать!..

Это был Шандор Петефи.

В Пожонь, где господа дворяне все еще дебатировали вопрос о реформах, ворвалась весть, что Петефи с сорокатысячным отрядом крестьян стоит на Ракошском поле и что в Пеште революция. Тогда неожиданно возникла легенда, будто бы дворянство само отказалось от своих «прав». Можно только посмеяться над этим «великодушием», которое родилось под давлением пештского движения. Недаром Петефи писал:

Как здоровье ваше, баре-господа?
Шею вам не трет ли галстух иногда?
Мы для вас готовим галстучек другой, —
Правда, он не пестрый, но зато тугой.

***

«...Мы встретились с ним в последний раз после взятия крепости Буды, — писал позже венгерский классик Мор Йокай, — на большом гонведском пиршестве, устроенном в национальном музее. Я произнес тост за тех, которые падут за родину. На это Петефи сказал: «Спасибо, что выпил за меня...»

После Шегешварского сражения в 1849 году Петефи вместе с 1 230 товарищами бросили в огромную братскую могилу. Петефи, рассказывают, был ранен в грудь и негромко воскликнул, когда немец-саксонец поволок его к яме:

— Не хороните меня, я живой... Я — Петефи!

— Ну и сдохни! — ответил саксонец и забросал могилу гашеной известью.

***

Мечты Петефи осуществились в наши дни — на столетие позже, чем он хотел. Венгрия после того, как Советская Армия освободила ее из когтей Гитлера, вступила в строй свободолюбивых наций. Крестьянство получило землю, латифундии рухнули от одного удара. Незаконченное дело 1848 года завершено. Венгрия возрождается на всенародных демократических началах. Сейчас закладываются первые камни стройки.

Да поможет строителям дух великого Петефи!

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДИСКУССИИ

Продолжаем обсуждение романа В. Пановой «Кружилиха»

Ан. ТАРАСЕНКОВ

Критики не увидели главного

В № 66 «Литературной газеты» помещены две статьи о новом романе Веры Пановой «Кружилиха» — одна, более вежливая и мягкая, принадлежит перу А. Ивича, другая, более резкая и откровенная,— В. Гоффеншеферу. Мое глубокое убеждение, что обе эти статьи, по внешней видимости различные, страдают одним и тем же пороком. Авторы их не увидели самого важного, принципиально нового, что заключается в произведении В. Пановой.

Главный герой романа «Кружилиха» — Листопад, директор, генерал и производственник. Панова сумела нарисовать обаятельный облик этого большого человека. Темпераментный, порывистый, резкий Листопад умеет беззаветно работать, когда этого требуют интересы родины. Он весь— в кипении дел, в созидательном порыве, в новаторских исканиях и дерзаниях. Его завод блестяще выполняет и перевыполняет программу, давая родной своей армии тысячи тонн смертоносного металла. В дни мира завод, под руководством Листопада, на полном ходу перестраивает свою работу, начиная производить обычную хозяйственную продукцию. Сила образа Листопада в том, что писательница сумела и увлекательно и увлеченно раскрыть источник его неукротимой энергии.

В конце романа во вдохновенной тираде раскрывается существо Листопада как деятеля и организатора нового, коммунистического типа. Для него нет разрыва между личным и общественным. Любовь к своему заводу, любовь к труду и любовь к Нонне переплетаются у него органически и естественно.

Листопад отнюдь не прост. Это сложный образ. В. Панова не боится показать в нем противоречия, острые углы характера и темперамента. В увлечении работой Листопад не замечает тревог и сомнений своей первой жены Клавы. Он прошел мимо Клавы, правда, любя ее по-своему, несколько эгоистически. Она умерла во время родов. Листопад так и не узнал, чем жила ее большая, красивая душа. И упрек, который Панова здесь делает своему герою, не снят и не забыт читателем. Читатель видит также, что в своих придирках к Узденкину Листопад часто перегибает палку. И все равно,—образ Листопада остается обаятельным и цельным. Уж очень молода и целеустремленна энергия Листопада, который с таким талантом и блеском ведет свое огромное и сложное заводское хозяйство, зная, как необходимы советской стране его опыт, его дар организатора, его воля большевика.

Интересен образ старого беспартийного инженера, главного конструктора завода— Владимира Ипполитовича. Этот властный и сухой старик вначале кажется повторением некоторых типов из среды старой технической интеллигенции. Но нет, это — образ, характерный уже для новой эпохи. Владимир Ипполитович — советский патриот. Вспомните, с каким гневом он говорит о немцах, с каким неподдельным восторгом он слушает победные сводки Совинформбюро.

Но в образе этого сурового человека новые общественные качества советского патриота находятся в противоречии со старыми привычками. В общении со своими подчиненными Владимир Ипполитович — «хозяин». Он не терпит возражений. Он стоит как бы над людьми, повелевая ими с высоты своего инженерского величия. Все это Панова изображает резко, правдиво—и тем убедительнее ее повесть для читателей, которые, вопреки недостаткам Владимира Ипполитовича, несомненно увидят и полюбят в нем человека, перевоспитанного новым обществом, отдавшего ему все свои силы. Он работает, не щадя себя. Но он стар. Он хочет на покой. И когда кончается война, старик, несмотря на все уговоры Листопада, который его очень ценит, уходит с завода. Вместе с беспредельно преданной ему женой Маргаритой Валерьяновной он уезжает на юг. Здесь он хочет завершить свою жизнь. Счастье свое Владимир Ипполитович отделил от жизни завода, от всего того, чем жил долгие годы. В этом самоустранении от дел сказалась старая интеллигентская закваска. Но Панова показала, как новая жизнь властно определила внутренний душевный мир ее героев. Владимир Ипполитович, в конце концов, не смог остаться вне своего рабочего коллектива, вне той маленькой армии конструкторов и чертежников, которые так уважали и побаивались своего строгого начальника. В зимнюю ночь Владимир Ипполитович возвращается на родную Кружилиху. Здесь, видно, работать ему и трудиться во славу родины до скончания дней своих!

Особенность «Кружилихи» в том, что идея морально-политического единства народа воплощена в романе на материале индустриального труда, опоэтизированного автором. Труд для героев Пановой равен творчеству, это — сила, облагораживающая и поднимающая их над уровнем обыденности.

Ее отвращение вызывают те, кто не находит в труде, в созидании своего главного счастья. С иронией рисует Панова отрицательные черты в Узденкине, профсоюзном работнике старого типа. Узденкин затевает нудную склоку с Листопадом, так как ему кажется, что Листопад игнорирует права профсоюза. Ущемлено и личное самолюбие Узденкина. И вот этот честный человек, преданный советскому строю, незаметно сам для себя начинает погружаться в тину обывательщины. Живое дело и живые нужды рабочих заслонены для Узденкина мелкой борьбой с «самовластным» директором.

Умно и верно Панова показала, как партия, ее работники (секретарь горкома Макаров и парторг Рябухин) заставляют сильного Листопада найти рабочий контакт со слабым Узденкиным. И хотя все сочувствие читателей и Пановой — на стороне Листопада, она вдруг находит уязвимое место в этом большом и талантливом человеке.

«— Вы знаете, — сказал Макаров, — на что сейчас пойдут все силы народа. И если ваша новая эра начинается с недоразумений между дирекцией и профсоюзом, то это плохое начало. Вы ссылаетесь на разницу вкусов и склонностей, — не знаю. Не могу входить в такие тонкости. Но об'ективно это выглядит так, что вы не переносите самокритики и иногда теряете принципиальность».

Листопад подчиняется партийной дисциплине, хотя ему и трудно это сделать. Тактично, убедительно Панова показывает неровность большого характера Листопада, его срывы, его ошибки, в которых он подчас не хочет признаться и самому себе.

Роман В. Пановой проникнут духом самокритики, высокой моральной требовательности автора к своим героям.

В. Панова видит недостатки своих героев, видит, но не прощает, потому что любит этих людей горячо и страстно. Но нигде эта любовь не переходит в сусальность и слей.

Удивительно точными штрихами рисует В. Панова старого рабочего Веденеева и его семью. Это честные трудовые люди, настоящие ударники и стахановцы производства, простые и прямые души. Но это не мешает Пановой видеть, например, ограниченность старика Веденеева, который не может, не в силах простить гордой и замкнутой Нонне то, что она не ответила взаимностью на любовь его сына, талантливого художника Андрея, погибшего на войне.

Панова видит и другое: есть маленькие и большие люди, люди скромных судеб и люди большого таланта. Есть такие, как Марийка — веселая, разбитная, работящая, но без глубокого отношения к жизни. Есть и такие, как старуха—мать Листопада, простая украинская крестьянка, сумевшая сама определить свою судьбу и жизнь.

Горький выдвинул перед писателями советской страны гигантскую историческую задачу:

«Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, организуемого процессами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, человека, в свою очередь, делающего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства. Мы должны научиться понимать труд, как творчество».

«Трудотворческая энергия страны» — вот что по мысли Горького является главной темой советских писателей.

Мне думается, что Вера Панова в «Кружилихе» вплотную подошла к решению именно этой задачи. В центре романа Пановой образы людей труда — стахановки Лиды, почти девочки, выросшей в тяжкую годину войны в замечательную работницу; организатора и руководителя завода Листопада; рядового рабочего, демобилизованного солдата Лукашина; конструктора Нонны, молодого ремесленника Толи; главного конструктора Владимира Ипполитовича, машинистки-стенографистки Анны Ивановны, старика Веденеева, Настасьи, ее мужа Алексея. Всех этих людей об'единяет то, что может быть названо морально-политическим единством советского общества.

Самое тяжелое обвинение, которое выдвинули тт. Ивич и Гоффеншефер против «Кружилихи»,—это то, что писательница, дескать, равнодушна к своим героям, что она пишет о них, «добру и злу внимая равнодушно». А. Ивич это сформулировал так: «почему же так безжалостна Панова к людям добрым, ...почему она так добра к людям недобрым». В. Гоффеншефер выразился категоричней и прямей: «Диву даешься, сколько автор приложил усилий к тому, чтобы не проявить к нему (Листопаду.—**Ан. Т.**) собственной любви».

Эти обвинения бьют мимо цели. В. Панова — автор, близкий к чеховскому методу изображения человека. Она не высказывает своего отношения к тем или иным своим персонажам, а дает понять это читателю подводным течением романа. И читатель понимает, что таких, например, героев, как «блатной» Мирзоев или фразер Грушевой, В. Панова не любит. В. Панова любит многих своих героев, любит, твердо зная, **за что**, она позволяет себе быть по отношению к ним выше «приятельства» и беспринципного доброжелательства. Именно отсюда — те ноты очень суровой критики, которые выпали и на долю Листопада, и на долю других безусловно положительных героев романа. **Любить — это значит и требовать, любить— это значит и критиковать.** Именно так, смело, нестандартно ведет свой роман В. Панова. А близорукие критики, привыкшие к однолинейным схемам, которые, увы, так часто преподносят им писатели, готовы притти в отчаянье от того, что не все у Пановой так чинно и добродетельно, как в иных розовых пасторалях, ошибочно именуемых романами.

А. Ивич ищет конфликтов в романе Пановой. Но странным образом он видит их не там, где они на самом деле существуют. Он, например, приписывает Пановой мысль о том, что «нужно много страдать прежде, чем личное счастье дастся в руки». При этом критик ссылается на слова Нонны о том, что в совместной жизни с Листопадом ей придется «поступиться кое-чем своим». Но почему же называть это несчастьем? Почему желание Нонны считаться с творческим горением Листопада должно быть понято как несчастье молодой женщины? Ведь она идет на это сознательно и без всякого оттенка «жертвы». А делать из Листопада перегруженного работой сухаря, «робота» (так называет его тов. Гоффеншефер), на мой взгляд — просто недоразумение. Ну, что общего с роботом имеет этот влюбленный в жизнь и труд человек, такой солнечный, такой красивый и обаятельный?

Грустно за тт. Ивича и Гоффеншефера, которые так слепо прошли мимо самого интересного и самого значительного, что есть в романе Пановой, — ее восхищения трудом, творчеством, созиданием. А именно в этом и состоит значение «Кружилихи», талантливого произведения, говорящего о том, какие новые большие перспективы творческого роста раскрываются перед Пановой.

Пусть любители выискивать недостатки ищут и, может быть, найдут их в «Кружилихе». Задача настоящей статьи иная — утвердить то положительное, глубоко органическое для советской литературы начало, которое так самобытно раскрывается перед нами в новом талантливом романе Веры Пановой.

Н. КАЛИТИН

За что же любит В. Панова своих героев?

«Обыкновенная женщина с перманентом, курносенькая, бранилась с матерью, обожала подарки, шлёпала девочек, когда не слушались...»

Это сказано о **жене одного из героев, которая в первые дни войны добровольно ушла на фронт и погибла в первом же бою. Эта коротенькая, подчеркнуто будничная характеристика в чём-то и как-то перекликается с характеристиками большинства персонажей романа. Не думайте, что перед вами какие-то особенные люди,— говорит Панова каждой строкой своего произведения.—Нет, это самые обычные, простые советские люди, каких тысячи, миллионы, с обычными недостатками и человеческими слабостями. Но это именно они, а не выдуманные рыцари без страха и упрёка, своим трудом решали судьбу войны в такой же степени, как решали ее своими боевыми делами их братья и отцы на фронте.**

На первом плане для советского человека, — говорит В. Панова каждой страницей своего романа,—его дело, его труд, как частица общественного труда, его место и роль в общей жизни. И чем полнее отдает он себя своему делу, тем полнее его жизнь, тем лучше он сам. Посмотрите,— приглашает нас автор,—на моих героев,— и вы увидите, что если и есть в каждом из них что-то плохое, непривлекательное, отрицательное, то все это связано, как правило, с чисто личным, не имеющим отношения к нему, как участнику общего дела. В семье, в быту, в коммунальной квартире они могут быть и мелочными, и черствыми, и недалекими,—труд же, участие в общем деле окрыляет, поднимает каждого из них, делает героем...

Уже одна попытка построить роман, как повествование о делах и днях простых советских людей, тружеников тыла, заслуживает самого пристального внимания. Подобных попыток не так уж много в нашей литературе. Правильно поступает Панова, подчеркивая в характеристиках героев ту огромную, первостепенную роль, которую играет в жизни советского человека его дело, его труд. Верно и то, что именно в труде, в творческом общении с другими людьми развиваются и укрепляются лучшие свойства человека социалистического общества. Но все дело в том, как художественно раскрываются все эти мысли.

Часто приходилось слышать, как упрекают писателя за то, что отрицательные герои у него получаются живыми, а положительные—превращаются в схемы. Этот упрек относится к Пановой, с той только разницей, что он применим к каждому из ее персонажей в отдельности. И дело даже не в том, что «отрицательное» в любом из героев «Кружилихи» выглядит более убедительно и живо, чем положительное, не в том, что Панова хорошо изображает плохое и плохо хорошее, а в том, что в понятие простой советский человек мы давно уже привыкли вкладывать более глубокий и значительный смысл, чем в понятие заурядный человек.

Стремясь показать повседневный героизм простых советских людей, автор хочет в первую очередь убедить читателя, что не отдельные скверные черты характера—основное в героях романа, а то, чем похожи они друг на друга в своей работе, в отношении к своему трудовому долгу. Но чтобы достигнуть этой цели, писатель должен был, конечно, показать не только и не столько самые дела героев или результаты этих дел, сколько то, что лежит в их основе: побуждения, мысли, стремления, чувства... Мы хотим не только **увидеть** поразительную по своему ритму работу Лидочки или услышать ее «великолепную» фразу: «Знаете, товарищ Грушевой, я решила давать шестьдесят тысяч, хоть это неважно действует на мое самочувствие»,— но и **почувствовать,** что скрывается за этой фразой, что лежит в основе стахановского труда Лидочки (В. Гоффеншефер высказал предположение,—не расчет ли; что может ответить на это Панова?!). Нам мало **услышать,** что Листопад хороший директор и что его любят на заводе, нам хочется **знать, за что** его любят. Мы узнаем, что за десять лет пребывания на заводе Нонна полностью овладела профессией конструкторов и что ее учитель Владимир Ипполитович не может жить без своей работы, без завода. Но мы хотим знать, что заставило автора увидеть в Нонне типичного молодого советского инженера, и чего больше— сходства или различия между главным конструктором «Кружилихи» и, скажем,.. старым князем Болконским из «Войны и мира». Во всяком случае, по части человечности и патриотизма герою Пановой далеко до старика Болконского, хотя своих домашних и тот и другой пилят с одинаковой жестокостью и изобретательностью.

Все эти законные требования читателя остаются неудовлетворенными. Автор, в сущности, лишь называет, но никак не раскрывает те черты своих героев, которые по самому замыслу романа должны быть раскрыты в первую очередь. Пожалуй, только в ночной исповеди Узденкина слышим мы те слова, узнаем те чувства, которых тщетно искали у других персонажей, чувства нашего современника, строителя коммунизма, патриота. И обидно, что единственного носителя этих чувств и стремлений автор сделал особенно нескладным и жалким в личной жизни, нелепым и беспомощным в борьбе с Листопадом.

В. Панову обвиняют в том, что в ее новом романе проблема личного и общего, тема счастья решаются так, как они решались много лет назад, что в «Кружилихе» конфликт чувства и долга остается неразрешенным. Это обвинение кажется нам несправедливым. Собственно говоря, Панова предвидела его и заранее отвела следующими словами Макарова: «Такие, как Листопад, ничем не жертвуют, они за собой и долга-то не числят, они о долге и не думают, они со своей работой слиты органически, чуть ли не физически».

Никакого конфликта между чувством и долгом нет ни у Листопада, полностью отдающего себя заводу, ни у главного конструктора, не пожелавшего иметь детей, потому что они могли бы оторвать у него время, необходимое для работы. Если Клава, оказавшаяся несчастливой с Листопадом, не поняла этого,—тем хуже для нее. Вот Маргарита Валерьяновна это отлично понимает, и Нонна тоже, и не только не сетует на Листопада, а, напротив, такой он ей еще дороже. Но отсутствие противоречия между чувством и долгом у героев Пановой оказывается результатом не богатства, а бедности их внутреннего мира, их духовной жизни. Да, вне его работы, вне его участия в общем деле нет жизни для советского человека, но это умение все подчинить самому основному—своему труду не превращает его в простой придаток к «рабочему месту», не обедняет его духовно, не исключает для него других интересов. Наоборот, именно приобщение к этим интересам делает его полноценным человеком, гражданином и работником.

Что же мы видим в «Кружилихе»? Да, Листопад не приносит никаких жертв. Ему не кажется ненормальной его жизнь с Клавдией, с которой он с момента знакомства, кажется, всего лишь раз поговорил по душе,—но не потому, что он считает невозможным для себя уделять больше времени жене, а потому, что ему вполне достаточно тех минут близости, которые связывают его с ней и которыми, повидимому, исчерпывается для него представление о семейном счастье. Точно то же и в остальном. Не в том дело, что у Листопада нет времени, чтобы почитать или увлечься дружеской беседой, а в том, что у него просто нет потребности ни в книге, ни в общении с людьми, ни в других интересах культурного человека. И когда мы слышим его вопрос, обращенный к матери: «Вы в театре были хоть раз?» и ответ старой колхозницы: «А вот была, шесть раз была!»—нам, по совести говоря, не так уж легко с уверенностью сказать, кто из двух собеседников более искушен в этой области!

Присмотритесь к главному конструктору и его жене, к Узденкину, Нонне,—и вы увидите то же самое, ту же ограниченность интересов, духовную бедность. Зачем, для чего это подчеркнутое нонино «вы знаете, я в этом ничего не понимаю»—в ответ на просьбу Андрея посмотреть его картину? Почему право понимать и любить живопись Панова предоставляет только художнику и лишает этого права инженера, почему все ее отличные производственники такие однобокие, узкие, люди? Не в том, конечно, дело, чтобы все Листопады и Нонны обязательно разбирались в живописи и в поэзии, а в том, чтобы узость их интересов не ставилась им в заслугу, чтобы о ней не говорилось, как о чем-то само собой разумеющемся.

Но не ломимся ли мы в открытую дверь? Нам скажут, что Панова вовсе и не оправдывает таких людей, как Нонна и Листопад, и обвинять ее следует, как это сделал в своей статье А. Ивич, лишь в об'ективизме, в том, что она только показывает своих героев с разных сторон, предоставляя самому читателю делать оценки. Но, во-первых, читательские оценки оказываются в большинстве случаев не слишком лестными для героев, и тогда встает вопрос, насколько типичны для нашей действительности и Листопад, и Нонна, и Лидочка и кто же противостоит им в романе (не Рябухин же и не Макаров—образы, очерченные чрезвычайно бледно и схематично). А во-вторых, — о самом характере об'ективизма В. Пановой.

Справедливы ссылки на образы Мартьянова и Узденкина в подтверждение этого обвинения. Но нельзя сказать того же о большинстве других героев. Сплошь и рядом оставаясь формально об'ективным, беспристрастным, автор в то же время стремится подсказать читателю оценки, особенно в тех случаях, когда ему хочется внушить нам мнение, прямо противоположное тому, какое напрашивается из поведения героев. Как бы испугавшись, что отдельные персонажи слишком малопривлекательны, Панова спешит реабилитировать их в глазах читателя. И вот появляется программно-полемическая «исповедь» Листопада, неожиданно завершающая роман; и вот надменная, холодная, сухая Нонна оказывается способной на любовь, одновременно и нежную, и пылкую, и самоотверженную, и чуткую, и вот под влиянием встречи с «воскресшим» комбатом рвач и пошляк Мирзоев собирается отказаться от легкой жизни и итти учиться. Так же мало убедительны и примирение Листопада с Узденкиным и «отпущение грехов», которое за бутылкой водки дает Веденеев Мартьянову, и трогательные мысли Лидочки на крылечке, и многое другое.

Панова — писатель, умеющий с подкупающей искренностью рассказать о тонких и сложных душевных движениях, мастер психологического анализа, выразительных деталей. Все эти свойства ее таланта проявляются и в «Кружилихе», но главным образом в частностях, в обрисовке отдельных персонажей. Великолепно изображение таких сцен, как поездка Марийки и Лукашина за кроватью, как путешествие мальчишек в деревню и многое другое. В статьях о «Кружилихе» уже отмечалась удача таких образов, как мать Листопада, Саша Коневский, Анна Ивановна, Толька. Но здесь автор верен жизненной правде. Там же, где он идет от заранее начертанной схемы или стремится к запоздалому оправданию героев, появляется психологическая фальшь, натяжки, поразительно легкое решение жизненных конфликтов, обедняющие образ простого советского человека.

Н. БУРОВ

Апологеты реакционных идей Достоевского

Советские текстологи проделали большую работу по изданию сочинений Ф. М. Достоевского. Именно в наше время появилось лучшее в текстологическом отношении собрание художественных произведений писателя, напечатаны его письма, записные книжки и т. п. Но от изданий сочинений Достоевского, в особенности массовых, мы вправе требовать не только высокого уровня текстологической работы, но и критического освещения наследия великого писателя, правильного, научного истолкования его творчества. К сожалению, последние издания произведений Достоевского совершенно не отвечают этому требованию.

Перед нами вышедший в конце 1947 года в Гослитиздате однотомник сочинений Достоевского. Предисловия в этой книге нет, в ней имеются лишь краткие примечания Б. В. Томашевского. Написаны эти примечания в духе того претенциозного и, к счастью, уже отживающего академического об'ективизма, при котором автор не только боится современности, но даже по отношению к идейной борьбе прошлого остерегается высказать свою точку зрения.

Так, например, рассказывая о спорах в печати 60-х годов вокруг образа Раскольникова, Б. В. Томашевский ухитряется их изложить таким образом, что никто не в состоянии понять — прав ли был в этой полемике Писарев, решительно и с полным основанием отрицавший связь «философии» Раскольникова с передовыми идейными течениями эпохи, или Страхов, об'являвший Раскольникова типичным представителем революционной интеллигенции. Точка зрения самого комментатора при этом совершенно не известна.

Мало того, Б. В. Томашевский даже боится определить место участников этой полемики в идейной жизни эпохи. По его словам «...против Писарева выступили критики другого лагеря (какого же? — **Н. Б.**), доказывавшие близость Раскольникова и Базарова (например, Н. Страхов)». А несколько раньше Б. В. Томашевский указывает, что «в Раскольникове увидели (кто же именно? — **Н. Б.**) крайнее, доведенное до предела, проявление «нигилистических» идей». Томашевский не выступает против реакционной клеветы на революционеров-демократов 60-х годов, допуская, повидимому, то, что Раскольников мог быть типичным для революционных разночинцев. Говоря о требованиях переработки романа, которые Катков пред'явил Достоевскому, комментатор ухитрился обойти идейную сущность этого давления, оказанного на Достоевского вождем монархической реакции. Мотивом требований Каткова было, по словам Томашевского, «нарушение правил нравственности» и «следы нигилизма».

Наглый и лживый растлитель нравов русской печати в роли блюстителя нравственности — открытие поистине удивительное!

Комментируя «Мужика Марея», Б. В. Томашевский сообщает читателю, что здесь «поставлен вопрос о значении народных идеалов для русской культуры», повидимому, всерьез полагая, что «народные идеалы» смирения и покорности, которые пропагандирует Достоевский, действительно выражали стремления народных масс России.

Удивительно при этом, что, не удосужившись заняться идейным анализом романа, Томашевский нашел место для того, чтобы подробно процитировать вовсе не существенный отзыв одного второстепенного французского писателя и сослаться на один французский роман, вышедший в 1932 году и связанный с произведением Достоевского только заглавием.

Еще более грубую ошибку, чем Гослитиздат, допустил Детгиз, напечатав в «Библиотечке школьника» отрывки из «Братьев Карамазовых» под названием «Мальчики».

Порочна уже самая попытка дать юному читателю фрагменты из этого романа. Разговоры мальчиков совершенно непонятны, если читатель не имеет представления об основных идейных и сюжетных коллизиях романа и его центральных образах.

Разумеется, что сущность романа явно недоступна читателям Детгиза. Тем не менее, А. Слонимский в предисловии пытается сообщить школьнику недостающие ему сведения о романе и об Алеше Карамазове.

А. Слонимский озабочен только одним, как бы представить Алешу Карамазова в роли образца и примера для советского школьника. Он пишет:

«Образ Алеши — один из самых светлых образов, созданных Достоевским. В нем Достоевский выразил свои заветные убеждения—веру в победу правды в человеческих отношениях.

Алеша является сначала в одежде послушника, то есть будущего монаха, так как собирается поступить в монастырь. Но затем от этого своего намерения он отказывается.

Смысл истории Илюши раскрывается в речи Алеши у камня. «Как хороша жизнь, когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдивое!» — так высказывается устами Алеши основная идея эпизода, а вместе с тем и всего романа в целом».

Бедные советские школьники! Прочитав эти строки, они, вероятно, представят себе Алешу Карамазова в образе передового человека, отказавшегося от своих религиозных убеждений, а Достоевского—как проповедника оптимистического и жизнеутверждающего мировоззрения, зовущего к общественной активности...

Издание Детгиза следует признать идейно вредным.

Ф. М. Достоевский. Избранные сочинения. Редакция текста и примечания Б. В. Томашевского. Гослитиздат. 1947.

Ф. М. Достоевский. «Мальчики» (из романа «Братья Карамазовы»). Редакция текста и предисловие А. Слонимского. Библиотечка школьника. Детгиз. 1947.

И. РАХТАНОВ

В мир, открытый настежь...

Семь лет тому назад Лев Кассиль написал книгу «Великое противостояние». Это была повесть об удивительной судьбе обыкновенной московской школьницы, которой выпало счастье участвовать в с'емках большого исторического фильма «Мужик сердитый», посвященного Отечественной войне 1812 года.

Девочка Сима Крупицына на первый взгляд не обладала никакими актерскими данными. После окончания с'емок она должна вернуться в школу, к прерванным занятиям, к друзьям и подругам по классу.

Это не так просто. Девочка побывала в обществе талантливого артиста Расщепея, видела его во время творческой работы — и ей трудно снова возвратиться к обычной жизни, к своему повседневному труду школьницы.

Но Сима Крупицына нашла радость и удовлетворение в своих прежних занятиях; тихий детский мир, свойственный ее возрасту, заменил ей громкую, но не принадлежащую ей, случайно выпавшую на ее долю славу актрисы.

Так разрешался конфликт повести, который носил, по существу, камерный, личный характер. Большая жизнь еще не входила органически в произведение.

Должны были произойти большие события, чтобы писатель, вновь вернувшись к своей героине, получил возможность озаглавить вторую книгу повести широким и обобщающим названием: «Свет Москвы».

Сима выросла. Она учится уже в последних классах школы. Она вожатая, воспитатель молодого поколения. Начинается война, на Москву наступают немцы. Мы видим, что перерыв во времени между двумя частями повести прошел не зря, что, пользуясь словами Расщепея, и героиня, и сам автор стали «более зрелыми, обогащенными, все более близкими к истине».

«Нет, он не безлюден, мой большой город. Вон на углу там зашевелились две темные тени, и на мгновение вспыхнула прикрытая сверху ладонью спичка и отразилась в плоском лезвии штыка. А на перекрестке мерно похаживает фигура в плащ-палатке. И под полой ее зажегся зеленый свет. Проехала через улицу грузовая машина с полупритушенными сиреневыми фарами.

И постепенно огромная теплая радость разливается по всему моему существу. Москва! Я вдыхаю сырой, холодный утренний воздух, пахнущий бензином, слегка отдающий гарью очага, — где-то, должно быть, затопили печку. Нет, ты жива, моя Москва! Дымишь и дышишь, ты только притаилась. И вот я иду по Москве. Мне хочется закричать во все горло, чтобы знали о моем возвращении. И желание это так велико, что я тихонечко шепчу про себя: «Ура... Я иду по Москве... Здравствуй, Москва! Это я! Ура!»

Подобного тона не было в первой части. Его взволнованность — результат того, что в книгу ворвался ветер больших исторических событий.

И маленькая московская школьница оказалась в центре этих событий. Она становится участницей великой войны не на экране, а в жизни.

Во время воздушных тревог Сима вместе со своими пионерами дежурит на крыше, гасит зажигательные бомбы. Она выступает перед бойцами, уезжающими на фронт, рассказывает им о героях Отечественной войны 1812 года, о Кутузове, об Усте-партизанке — эту роль она исполняла в кинофильме перед войной.

Писатель прислушался к требованиям жизни, к письмам читателей, желавших знать конец незавершенной истории. А между тем, по началу она казалась и самому автору и его критикам вполне законченной. Но дети, которые никогда не удовлетворяются формальным концом, сами подсказали писателю такое окончание повести, которое подняло ее до больших высот и, расширив тему, сделало истинной в том прекрасном смысле, в каком произносит это слово талантливый Расщепей.

Теперь уже ясно, что первая часть — только начало, из которого вырастает значительное произведение, и чем дальше идут эти страницы, тем искреннее, правдивее, истиннее становятся они.

Л. Кассиль отвечает на самые животрепещущие потребности юных читателей. Его герои ведут себя так, как стали бы в подобных обстоятельствах вести себя сами читатели. И то, что читатель в героях книги узнает самого себя, лишь увеличивает его интерес к произведению.

Даже во второй, лучшей части повести есть, однако, досадные срывы. О них надо сказать именно потому, что речь идет об удаче писателя, об очень хорошей книге. Все сцены с немцами кажутся нам ниже, много ниже повести. Без них не только можно было, но и следовало обойтись. Ничего нового они не прибавляют к уже известному по литературе о враге. Да и сама ситуация, когда Сима вдруг, почти в самом конце книги, оказывается на временно оккупированной земле, не очень нужна. Пожалуй, создана она только потому, что автор испугался обыденности своей героини и решил поставить Симу в романтическое положение. Это вовсе лишено необходимости: на протяжении предыдущих страниц читатель успел достаточно полюбить ее. Она показана там без ложной романтики и без ложных прикрас. В сценах же столкновений Симы с немцами сказалось отсутствие у автора нужного жизненного материала. Невольно думаешь, насколько чиста и чутка наша литература, если малейшая фальшь сразу же обнаруживается в ней!

Лев Кассиль. «Великое противостояние». Детгиз, 1947, 470 стр.

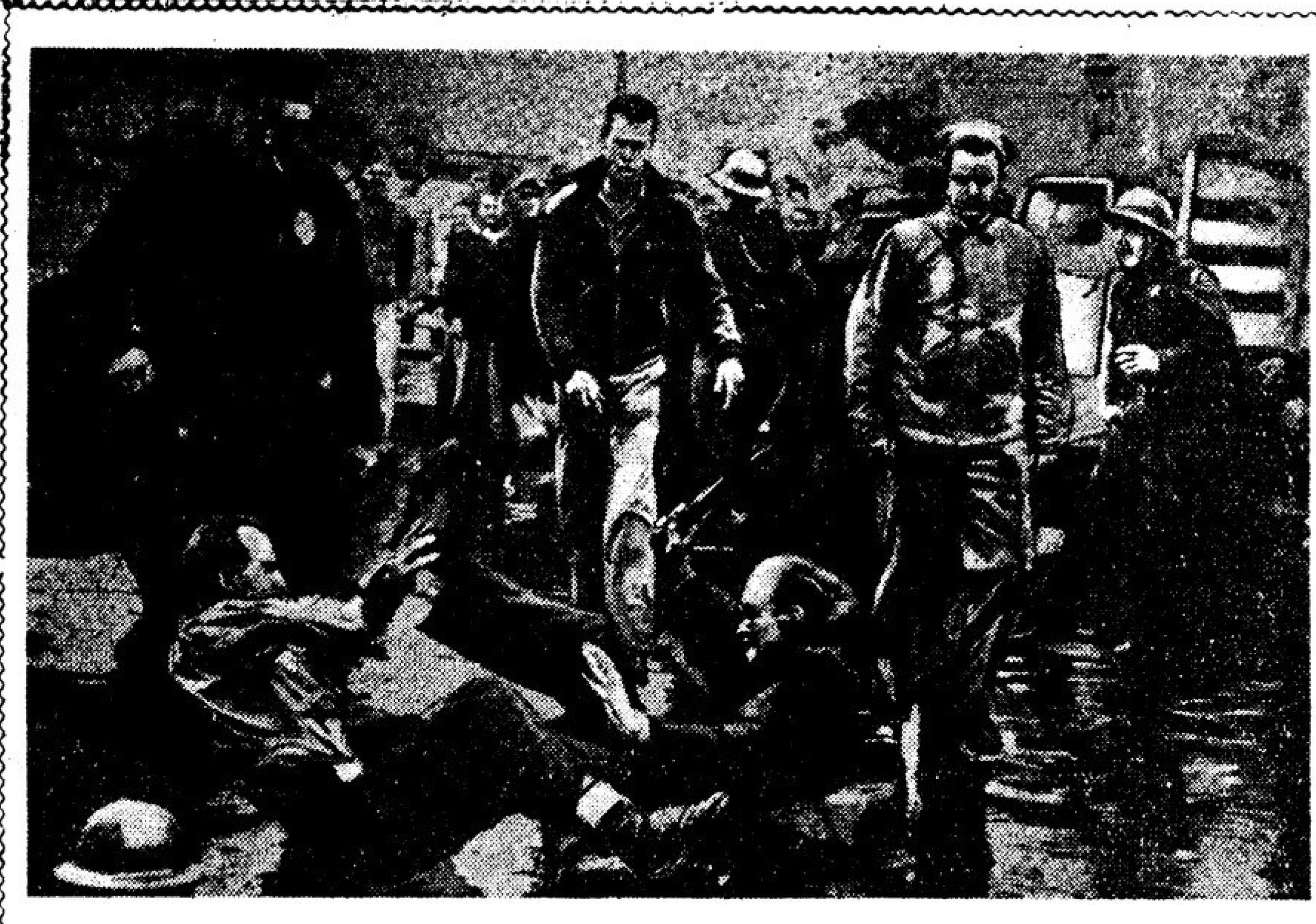
Первый Шекспировский ежегодник

Всероссийское театральное общество выпустит в ближайшее время первый «Шекспировский ежегодник», подготовленный к печати Кабинетом Шекспира ВТО.

«Ежегодник» открывается статьей М. Морозова, рассказывающей о связи, существующей между советской наукой о Шекспире и творческой практикой советских театров. В другой статье того же автора исследуется вопрос об основных чертах реализма Шекспира.

В статье В. Кеменова трактуется проблема трагического начала в пьесах Шекспира. М. Загорский показывает основные этапы становления русской шекспироведческой мысли. В. Узин разоблачает глубоко порочный и упадочный характер ряда новейших зарубежных работ о гениальном драматурге.

В «Ежегоднике» публикуется также первая часть библиографии советских работ о Шекспире (составитель Э. Субботина).

Наступление против прогрессивных элементов Голливуда ведется широким фронтом и разными методами — утонченной инквизицией следственных органов Вашингтона и дубинками голливудской полиции.

Профсоюз строителей кинопромышленности об'явил в Голливуде забастовку протеста в связи с увольнением с работы 350 членов этого союза. На зов кинопромышленников явились наряды голливудской полиции, которые начали избивать стачечные пикеты.

Мы публикуем снимок, помещенный в журнале «Лайф»: полиция избивает стачечные пикеты в Голливуде.

Судьба американского писателя

М. МЕНДЕЛЬСОН

Сообщение о том, что американские власти решили посадить в тюрьму прогрессивного романиста Гоуарда Фэста вносит еще один штрих — и штрих весьма многозначительный — в мрачную картину судеб писателя в Америке. Фэст — далеко не единственый деятель литературы и искусства, против которого ополчились ныне судебные и прочие государственные инстанции США. В американских газетах много пишут о всевозможных репрессиях против прогрессивных киносценаристов. Демократическому поэту Дону Уэсту, автору книги стихов, в которых изобличаются изуверские порядки на юге Америки, не столь давно был пред'явлен судебный иск на огромную сумму — десять тысяч долларов. Оказывается, что своими стихами Уэст «оскорбил чувства» влиятельных жителей штата Георгия. Одновременно от ректора университета, где Уэст работает преподавателем, потребовали, чтобы он отказал молодому писателю от места, лишил его куска хлеба.

Тюрьма, увольнения, штрафы — и эти методы применяются ныне в Америке, чтобы задушить свободное слово. Тюрьма предназначается, конечно, для самых непокорных. Существуют тысячи других способов, при помощи которых американская империалистическая буржуазия кромсает, уродует, увечит таланты, толкает писателей на путь пресмыкательства или зажимает им рты. Стремясь сделать художественную литературу своей покорной служанкой, американские реакционеры не скупятся на открытый и завуалированный подкуп, открытые и завуалированные репрессии. Для воздействия на писателей они используют и разного вида цензурные рогатки, и потоки лживой пропаганды, повседневно извергаемой тысячами газет и журналов.

Поход против литературы и искусства, развернутый в настоящее время в США, исключителен по масштабам и проводится с особой жестокостью. Гонение на писателей, связанных с живой жизнью, с интересами простых людей Америки, приняло необычно откровенный характер. Такой глубины морального разложения, какая свойственна современной буржуазной литературе Америки, никогда раньше за океаном не знали.

И все же нужно сказать, что, творя ныне свое черное дело в области литературы, американская буржуазия может опираться на обширный прошлый опыт подавления творческой деятельности писателей в капиталистической Америке.

Маркс писал: «...капиталистическое производство враждебно некоторым отраслям духовного производства, каковы искусство и поэзия». История литературы США ярчайшим образом подтверждает и иллюстрирует это положение.

В ранний период американской истории пуританская буржуазия относилась к художественной литературе с откровенным недоверием. Утвердившийся в Америке с давних пор дух воинствующего буржуазного утилитаризма всегда, разумеется, был глубоко враждебен искусству.

Первый крупный американский поэт Филипп Френо, в годы войны за независимость (в последней четверти XVIII века) воспевавший военные успехи американского народа в борьбе против угнетателей-англичан, после победы стал с тревогой наблюдать, как хищническая буржуазия устанавливает в новой республике свои порядки. И он с горечью написал о том, что «грядущий век будет веком прозы», что в безрадостной, прозаической Америке музе нечего делать.

Характерен трагический путь, пройденный видным американским писателем прошлого столетия Германом Мельвилем. Опубликовав десяток романов и других крупных прозаических произведений, Мельвиль в поисках хлеба вынужден был почти в пятидесятилетнем возрасте выпросить для себя жалкий пост таможенного чиновника в Нью-Йорке. «Проклятый долларами», по его собственым словам, Мельвиль прослужил в таможне двадцать лет и за эти годы написал лишь две-три книжки стихов, изданных ничтожными тиражами. Только освободившись — незадолго до смерти—от мучительной работы в таможне, Мельвиль снова вернулся к активной творческой деятельности. Небезынтересно, что последний роман Мельвиля «Билли Бэд», в котором он выразил свое отрицательное отношение к буржуазному обществу, был впервые опубликован лишь через тридцать с лишним лет после смерти писателя.

Лучшее из того, что создала американская литература, отражало мечту народных масс о более справедливой жизни, протест против несправедливости и угнетения.

Крупнейшими мастерами американской литературы прошлого века были Уолт Уитмэн и Марк Твэн. В их ранних произведениях воплощены некоторые поэтические стороны американской народной жизни, а отчасти и иллюзии, которые были широко распространены среди американцев. Но даже творчество этих писателей, получивших в Америке наибольшее признание, развивалось в труднейшей обстановке. Недаром и Твэн, и Уитмэн осудили условия, в которые поставлена литература на их родине, и в конце концов пришли к весьма отрицательным выводам насчет буржуазных порядков в целом.

Начиная с семидесятых годов прошлого века, Уитмэн стал понимать, что США — страна, которая «молится на деньги». Он утверждал, что Америка, вопреки его ожиданиям, не создала великого искусства, первоклассной литературы. Характерна и личная судьба Уитмэна. Всю жизнь он был об'ектом злостной клеветы. Литературный труд никогда не мог служить для него источником существования. «Даже сегодня, — писал недавно Гоуард Фэст, — американские критические журналы полны нападок на Уитмэна..., ученые исследователи пишут о «сомнительной ценности» его творчества».

Судьбы литературного наследия ряда крупнейших писателей США тоже весьма наглядно иллюстрируют враждебную искусству роль американского капиталистического класса. Альберт Пэйн в своей официальной биографии Твэна ссылается на несколько об'емистых антиимпериалистических статей этого американского классика, написанных им еще в начале века, но так и не напечатанных в свое время. Некоторые из этих материалов (например, статья «Грандиозная международная процессия») и по настоящее время известны читателю лишь в отдельных отрывках.

Двадцатый век в Соединенных Штатах дал особенно много примеров выхолащивания талантов и даже физического уничтожения писателей под прессом капитализма. О трагической судьбе художника в США поведали миру три самых крупных американских писателя нашего столетия—Драйзер, Лондон, Синклер. Печальная история Мартина Идена, героя одноименного произведения Джека Лондона, судьбы Юджина Витлы из романа Драйзера «Гений» и главного персонажа книги Эптона Синклера «Дневник Артура Стерлинга» воплощают многое из того, что приходится испытывать писателям буржуазной Америки нашего времени.

Правдивость картин, созданных Драйзером, Лондоном и Синклером, подтверждается их собственными творческими биографиями. Враждебно встретила капиталистическая Америка молодого Драйзера, автора романа «Сестра Кэрри». Эту книгу издательства в течение многих лет не допускали к массовому читателю. Зрелого Драйзера, ставшего участником рабочего движения в Америке, травили, привлекали к суду, против него организовывали «заговоры молчания». В ряде книг Синклер подробно описал, какие гонения пришлось ему испытать в стране, где «над писателем щелкает бич хозяина — капиталиста». Как известно, Джек Лондон написал ради заработка немало пустых и лживых книг. «Я хотел бы писать настоящие книги, — сказал однажды Лондон во время встречи с Драйзером, — но не могу их продать».

Через полвека после Уитмэна Теодор Драйзер с еще большей решительностью говорил о пагубном влиянии буржуазного духа Америки на развитие отечественной литературы. «Богатая земля, — писал он о своей родине, — неисчислимые залежи золота, серебра, драгоценных и полезных металлов, а также топлива всех видов... И все же... Художники, поэты, мыслители — где они?» Драйзер подчеркивал, что его родина не создала художников, равных, например, Тургеневу и Чехову.

И другие американские писатели наших дней говорили и говорят о судьбах людей искусства в Америке с глубокой болью и гневом.

Чувство трагичности положения простых людей в США, трагичности судьбы художника звучало в словах видного американского писателя Томаса Вульфа о «бездомности» американцев, о «жестоком небе», которое простирается над ними.

Сегодня, когда монополистический капитал в Америке хочет сделать всякое печатное слово непосредственным орудием империалистической политики, — условия, в которые поставлена литература в США, несравненно более тяжелы, чем когда бы то ни было. Произведениям, выражающим мысли и чувства демократических слоев США, приходится пробиваться к свету, преодолевая огромные и все возрастающие препятствия.

Газета «Нью-Йорк таймс» отмечает в одном из последних номеров, что сегодня «ни один американский журнал» не опубликовал бы статей, критикующих американских магнатов капитала, какие печатал в начале века даже консервативный ежемесячник «Атлантик». В начале ноября 1947 года еженедельник «Сатердей ревью ов литерачюр» выразил плохо завуалированное возмущение тем, что в США нашелся издатель, согласившийся выпустить в свет «построенный по коммунистическому образцу» новый роман Гоуарда Фэста.

Никогда еще литературу в Америке не рассматривали столь откровенно, как средство для выколачивания денег. Редактор приложения к газете «Нью-Йорк таймс» не может скрыть, что за последние годы «литературная атмосфера» США изменилась к худшему. Теперь в Америке, пишет он, «слишком часто и слишком многие интересуются не самой книгой, а тем, сколько экземпляров ее продано» и каких успехов добились автор и издатель при продаже прав на воспроизведение книги в кино, на радио и т. д.

Отвечая на вопросы, заданные одним американским журналом, консервативный писатель Марканд признал недавно, что господствующие на американском книжном рынке литературные каноны, а также Голливуд и американское радио, «изо всех сил стремятся задушить идеи и оригинальность», растлевают писателей морально и губят молодые таланты.

Журнал «Мэйнстрим», орган прогрессивных литераторов США, отмечает, что писатели Америки не знают теперь «творческой радости», что в современной американской прозе «господствует показ бессмысленного насилия, разложения и смерти». И в самом деле, доминирующая ныне в Америке реакционная, упадочническая литература воспевает уход от действительности, отказ от свободолюбивых идей, ренегатство, агрессию, жестокость, ужасы, мистику и порнографию, поставляя образцы поистине чудовищных извращений, выращивая отвратительнейшие ядовитые плоды. Нет ничего неожиданного в том, что некоторые фашиствующие американские литераторы выступают с призывом вовсе уничтожить культуру, искусство. «Долой биографии и истории, библиотеки и музеи», — вопит американский литературный гестаповец Генри Миллер в своей книге «Тропик Рака».

Современные американские империалисты, строя планы экспансии, захватничества, стремятся представить растленную буржуазную литературу США, как образец для всего мира. В то же время они отказываются от лучших демократических традиций американской литературы и пускают в ход самые грубые, чисто гитлеровские методы удушения передовых идей. Все это делает тем более настоятельной задачу разоблачения подлинной сущности американской реакционной литературы, задачу показа истинного лица американской буржуазии с ее варварским отношением к искусству и литературе.

Издание произведений А. Островского

К 125-летию со дня рождения А. Островского Гослитиздат выпустит ряд произведений великого драматурга, общий тираж которых превысит миллион экземпляров.

Недавно вышел однотомник, содержащий 20 пьес А. Островского, тиражом в 150 тысяч экземпляров. В массовом издании вышли пьесы «Лес» и «Гроза», по 250 тысяч экз. каждая. Готовятся к печати (для массового издания) небольшие сборники пьес Островского и художественное издание пьесы «Снегурочка» с иллюстрациями А. Васнецова. Кроме того, будут изданы сборник статей о великом драматурге — «Островский в русской критике» и сборник воспоминаний о нем.

Пятнадцатая книга альманаха «Дружба народов»

Издательство «Советский писатель» выпустило в свет пятнадцатую книгу альманаха «Дружба народов».

В книге помещен роман туркменского писателя Берды Кербабаева «Решающий шаг» (перевод П. Слетова), стихи Георгия Менюка, Богдана, Истру, Емилиана Букова (Молдавия), Танра Жарокова, Калижана Бекхожина (Казахстан), Петруся Бровки (Белоруссия), Александра Чака (Латвия), Юлюса Янониса (Литва), Джоомарта Боконбаева (Киргизия), Ахмеда Ерикеева (Татарская АССР), Чимита Цыдендамбаева (Бурят-Монгольская АССР), П. Туласынова (Якутия) и других поэтов.

В разделе «По советским республикам» напечатаны очерки Н. Зелеранского и Р. Хигеровича «Путь к вершинам» и В. Гольцева «Синатлэ» (о Храмгэсе).

Раздел «Трибуна писателя» представлен статьями П. Егорова «Судьба и мечты туркменского народа в романе Б. Кербабаева» («Решающий шаг») и М. Малышевского «О стиле переводов поэм Низами», раздел теории и критики — статьями Б. Яковлева «Торжество учения Ленина—Сталина о национальной культуре» и Г. Корабельникова «Великий образ». В разделе библиографии помещен историко-библиографический обзор П. Скосырева «Тридцать лет советской многонациональной литературы».

800-летию со дня рождения Низами и 500-летию со дня рождения Навои посвящены статьи Н. Тихонова «Низами и Навои», переводы К. Липскерова из поэмы Низами «Хосров и Ширин» и С. Липкина из поэмы Навои «Семь планет».

Конкурс на короткий рассказ

Редакция журнала «Смена» об'являет с 1 февраля 1948 года по 1 июля 1948 года открытый литературный конкурс на лучший короткий рассказ.

Главной задачей конкурса является отбор лучших рассказов, трактующих темы, наиболее актуальные для молодежи: участие советской молодежи в выполнении послевоенного пятилетнего плана, борьба юношей и девушек за коммунистическую мораль и этику, воспитание нового социалистического человека, Советская Армия, вопросы семьи, дружбы, любви, жизнь советского студенчества, школ и ремесленных училищ, спорт и т. п.

За лучшие рассказы, отобранные жюри конкурса, установлена одна премия в размере 10 тысяч рублей, две премии по 7 тысяч и три премии по 4 тысячи рублей.

Жюри конкурса — редколлегия журнала «Смена»: Н. Асеев, Е. Долматовский, А. Космодемьянский, М. Котов, Н. Жуков, Г. Куклис, В. Лидин, Б. Полевой, А. Суров (председатель жюри).

Рукописи следует направлять в адрес журнала «Смена» (Москва, ул. Правды, д. 24) с пометкой на конверте «На конкурс».

Вечер А. Поповского

В Центральном доме литераторов состоялся вечер А. Поповского в связи с исполнившимся 50-летием писателя.

На вечере выступили советские ученые— Л. Штерн, Е. Павловский, С. Брайнес, А. В. Вишневский, А. А. Вишневский и С. Каминский. Они приветствовали А. Поповского, как писателя, талантливо популяризирующего в художественной форме достижения советской науки.

— Нас поражает в творчестве Поповского, — говорил заслуженный деятель науки А. В. Вишневский,—способность писателя представить трудные вещи в интересной и понятной форме. Это нелегко даже для ученого, вполне владеющего материалом.

На вечере были оглашены приветствия писателю от научных учреждений и организаций. Теплые приветствия прислали юбиляру акад. Т. Лысенко, Министерство здравоохранения СССР, Главное санитарное управление Советской Армии, президент Белорусской академии наук Н. Гращенков, акад. В. Филатов, акад. К. Быков, ряд научно-исследовательских институтов и другие.

Памяти еврейского классика

В Московском политехническом музее состоялся вечер, посвященный 30-летию со дня смерти основоположника современной еврейской литературы Менделе-Мойхер-Сфорим (Ш. Я. Абрамович).

Председательствовал на вечере Вс. Вишневский. В своем вступительном слове он говорил о Менделе-Мойхер-Сфорим, как об одном из величайших художников прошлого, как о писателе подлинно народном, беспощадно разоблачавшем пережитки феодального средневековья в еврейском быту и всем своим творчеством утверждавшем самые передовые идеалы современности.

Выступавшие после Вс. Вишневского писатели Д. Бергельсон и И. Добрушин и народный артист СССР С. Михоэлс отметили в своих речах близкую связь Менделе-Мойхер-Сфорим с идеями шестидесятников и огромное влияние на его творчество таких писателей, как Чернышевский, Некрасов, Добролюбов и, в особенности, Салтыков-Щедрин.

Со стихами, посвященными памяти гениального сатирика, выступили поэты Р. Баумвол, И. Борухович, А. Вергелис, А. Гонтарь, Л. Квитко, А. Кушниров, М. Тейф, Я. Штернберг.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

* **Министерство сельского хозяйства СССР** организует зимой нынешнего года массовое агротехническое и зоотехническое обучение колхозников. Обучение будет проводиться непосредственно в колхозах. В отдельных районах организуются курсы со специальной программой занятий по различным отраслям сельского хозяйства.

* **На ленинградском заводе имени Карла Маркса** закончено скоростное проектирование гигантской высокопроизводительной текстильной машины — первого в стране кордно-вискозного комбайна.

Памятник городам-героям

Небольшой коллектив художников взял на себя задачу — попытаться создать монумент, посвященный пяти городам-героям: Одессе, Сталинграду, Ленинграду, Севастополю, Москве.

Для этого мы хотим использовать все средства изобразительного искусства: живопись, скульптуру, архитектуру, орнамент и др. Памятник мыслится нами, как пятистенный павильон, оформленный монументальной скульптурой со стеклянным куполом, увенчанным группой «Победа». На наружных стенах здания размещаются мозаичные панно из натурального камня, изображающие важнейшие моменты последнего года Великой Отечественной войны: освобождение славянских стран, занятие ряда городов Германии, победа над японскими захватчиками. Среднее панно, обрамляющее вход в здание, будет изображать падение Берлина. Таким образом, все внешнее оформление павильона-памятника должно говорить о мощи нашей победоносной Советской Армии, стоящей на страже мира.

Внутреннее содержание памятника воссоздаст картину героических битв за нашу родину. Мягкий верхний свет стеклянного купола льется в центр зала, оставляя в полумраке пять диорам, посвященных городам-героям. Это, собственно, не в полном смысле слова диорамы. Иллюзорный «натуральный план» заменен в них бронзовыми скульптурами, композиционно связанными с живописным полем картины и архитектурным обрамлением ее. Каждая диорама представляет собой как бы портик, архитектурно близкий к стилю зданий данного города-героя. Севастополь, например, характеризует арка Графской пристани, Ленинград — фасад Конногвардейского манежа, Москву — элементы кремлевских стен, Одессу — здание оперного театра, Сталинград — детали корпусов Сталинградского тракторного завода.

Скульптуры, находящиеся впереди портика, как бы вводят зрителя в событие, изображенное на живописном поле диорамы. Она освещена спрятанным за архитектурной «рамой» светом, что дает возможность для каждой отдельной диорамы дать собственное характерное освещение.

Так, покидающие Одессу героические моряки, спускаясь по лестнице к морю, освещены светом молний штормового неба. Солдаты и матросы, штурмующие твердыни Малахова кургана, залиты золотистым светом севастопольского утра. Хмурое небо морозных сумерек тускло освещает героических ленинградцев, отстаивающих родной город. В ржавом пламени горящих цехов беззаветно бьются с врагом сталинградцы. Зритель, переходя от диорамы к диораме, как бы сам попадает в самую гущу событий. Диорамы расположены так, что зритель этап за этапом переживает историю грандиознейшей из войн, какие знал мир. Несколько иначе построена диорама «Москва 24 июня 1945 года». Зритель проходит сквозь нее, выходя из павильона. Он как бы идет по Красной площади между мавзолеем Ленина и рядами войск, построенных для парада. Под ногами зрителя — кучи знамен гитлеровских черных дивизий, брошенных под ноги советскому народу героями-гвардейцами, разгромившими фашистские полчища.

На трибуне мавзолея бесконечно дорогой народу Сталин — организатор величайшей в истории войн Победы.

Наш коллектив с увлечением и страстью работает над этим памятником. Мы посвятили этой работе все свои силы и способности. Сейчас, помимо общих проектов, уже создана диорама «Севастополь 8 мая 1944 г.». Живописное полотно ее экспонируется на Всесоюзной художественной выставке. К сожалению, недостаток выставочного помещения не дал возможности экспонировать диораму целиком.

Мы уверены, что с помощью наших правительственных учреждений, ведающих вопросами искусства, и советской художественной общественности, в первую очередь с помощью Академии художеств, нам удастся создать это нужное стране и истории произведение.

Лауреат Сталинской премии

П. СОКОЛОВ-СКАЛЯ.

НА СНИМКЕ: входной фасад «Памятника городам-героям».

Юбилейная конференция „Сибирских огней"

Конференция открылась в переполненном зале заседаний филиала Академии наук, в атмосфере глубокого интереса и внимания новосибирской общественности.

Доклад М. Чарного «Тридцать лет советской литературы и наши задачи», доклад С. Кожевникова о работе журнала «Сибирские огни», содоклады А. Смердова о творчестве сибирских поэтов и А. Коптелова о творчестве народов Сибири, содержательное выступление секретаря Обкома ВКП(б) В. Королева вызвали оживленные прения.

Тема современности, отображение послевоенной сталинской пятилетки—таковы были коренные вопросы конференции.

Но мы еще явно отстаем от движения общего литературного фронта нашей родины. Сибиряки,—говорил в своем докладе редактор журнала тов. С. Кожевников, — ни во время войны, ни после нее не создали ни одного монументального произведения, обобщающего героический опыт советских людей в эпоху величайшего напряжения всех сил. В еще большем долгу перед народом сибирские писатели и наш журнал в отношении художественной разработки темы сегодняшнего дня—темы послевоенной сталинской пятилетки. Здесь у нас только очерки или публицистические материалы, а вот романов, повестей, поэм еще нет. Мы должны признать справедливым упрек, сделанный нам в письме московских писателей в «Литературной газете».

Л. Сейфуллина в своем выступлении верно выразила общее настроение: «Мы сегодня не только отмечаем юбилей, но прежде всего, засучив рукава, работаем. Наш ранее небольшой отряд советских писателей вырос в огромную армию, и перед каждым рядовым этой армии стоят исключительно сложные задачи».

Участники конференции говорили о том, что мешает работе журнала и писателей-сибиряков. Тт. В. Алексеев (Кемерово), Б. Рясенцев (Новосибирск), М. Бударин (Омск), М. Юдалевич (Барнаул) отметили недостаточно высокий уровень критических статей в «Сибирских огнях».

Рассказывая о литературной жизни Красноярска (т. Сартаков) и Иркутска (т. Кунгуров), писатели коснулись вопроса о недопустимо плохой работе сибирской книготорговли, по вине которой большая часть тиражей книг, издаваемых в Сибири, залеживается в одном городе, а в деревни и совсем не попадает.

Положительная роль, которую сыграл журнал в становлении советской литературы в первые годы ее развития, общеизвестна. А. М. Горький относился к «Сибирским огням» с большой теплотой и вниманием. Но старыми заслугами и старой славой жить нельзя, надо зарабатывать новую. Идет третий год послевоенной сталинской пятилетки, а в журнале не появилось ни одного произведения, которое обогатило бы советскую литературу новыми образами, отражающими наш сегодняшний день.

Думается, одной из причин этой отсталости является бессознательная, несколько даже традиционная любовь к романтике старой, таежной, охотничьей, золотоискательской Сибири. А ее время уже миновало, пришла новая, социалистическая романтика созидания, романтика преображения человека, его победы над стихией. Следует помнить, что в прежде непроходимую тайгу на Оби, Енисее или Ангаре уже проникла лесная промышленность, что охотники и золотоискатели живут законами стахановского движения, социалистического соревнования. Неумение некоторых сибирских писателей найти эту новую романтику, прощупать горячий пульс жизни, упорное их влечение к отображению картин прошлого (скажем, не дальше эпохи гражданской войны) приводит нередко к застою, к прямому отрыву писателя от современности.

Только органическая связь с основными идейно-творческими интересами эпохи, двигающими вперед нашу литературу, поможет журналу «Сибирские огни» приобрести нужный авторитет в глазах всей литературной общественности Советского Союза.

Анна КАРАВАЕВА.

«КАЛЕВИПОЭГ» НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ТАРТУ. (От наш. корр.). Состоялась очередная научная сессия отделения общественных наук Академии наук Эстонской ССР. На сессии был подвергнут обсуждению полный поэтический перевод эстонского народного эпоса «Калевипоэг» на русский язык, сделанный В. Державиным и А. Кочетковым.

С докладами выступили заведующий кафедрой угро-финских языков Тартуского государственного университета П. Аристе, действительный член Академии наук Эстонской ССР И. Вески, директор Института языка и литературы Д. Пальги и др. Они дали положительную оценку новому переводу «Калевипоэга» на русский язык, полно и ярко показывающему художественные достоинства эстонского эпоса.

КРАТКАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Академия педагогических наук РСФСР готовит к изданию «Краткую педагогическую энциклопедию» в двух томах. В ней будут изложены теоретические и практические сведения по всем основным вопросам школьного дела.

Первый том энциклопедии, охватывающий вопросы марксистско-ленинского учения о воспитании, историю педагогических идей с древнейших времен до наших дней, основные этапы развития советской школы и педагогики и т. п., выйдет большим тиражом в ближайшее время.

Ведется работа и над вторым томом энциклопедии, посвященным методике преподавания и воспитания в начальной и средней школе.

Главный редактор «Краткой педагогической энциклопедии» — министр просвещения РСФСР А. Г. Калашников.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—01101.